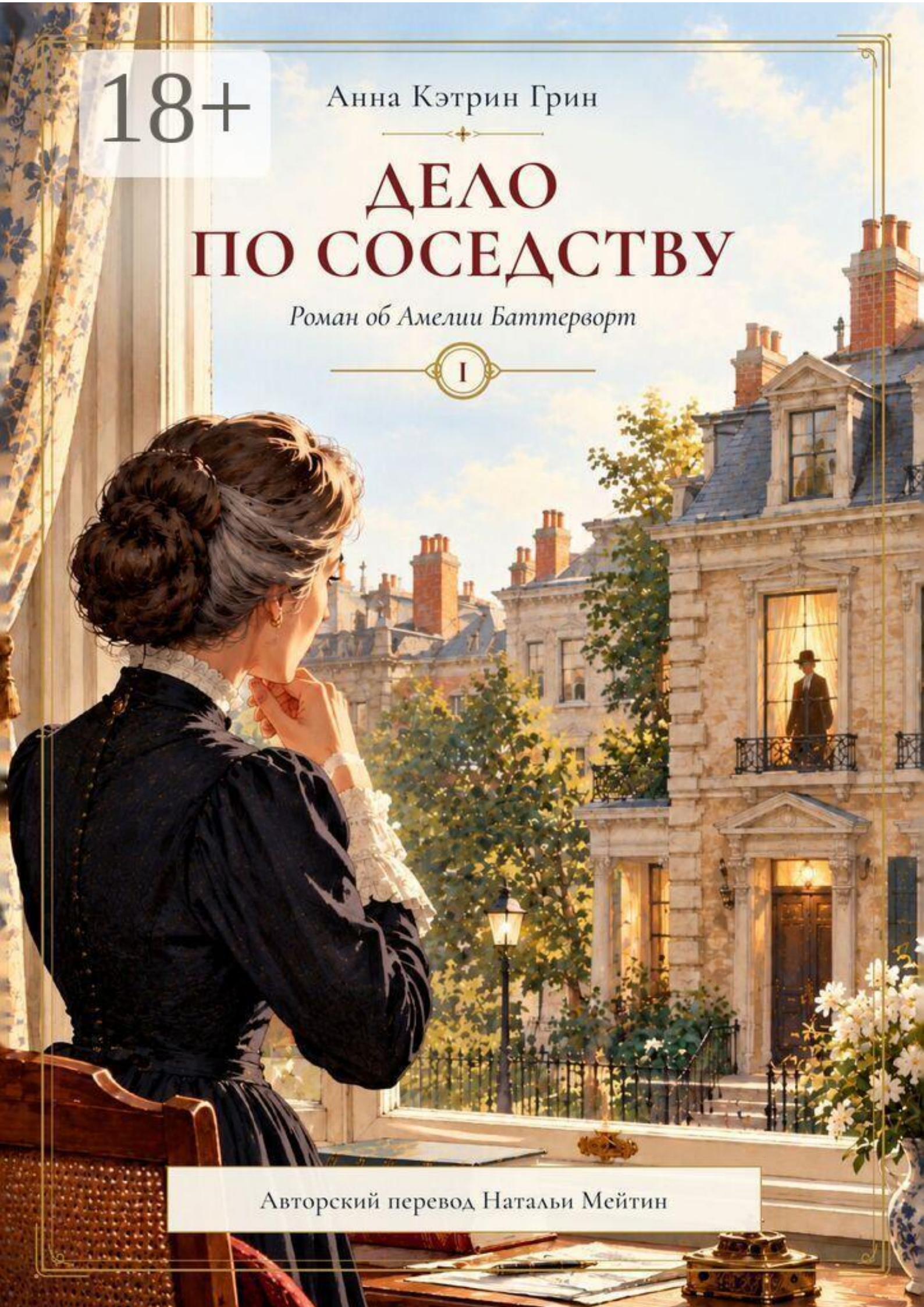
18+

Анна Кэтрин Грин

ДЕЛО ПО СОСЕДСТВУ

Роман об Амелии Баттерворт

I

Авторский перевод Натальи Мейтин

Анна Кэтрин Грин

Дело по соседству

«Издательские решения»

Грин А.

Дело по соседству / А. Грин — «Издательские решения»,

Нью-Йорк, 1895 год. Мисс Амелия Баттерворт, почтенная дама с Грамерси-парк, совершенно не любопытна. Но когда ночью к пустующему соседнему особняку подъезжает экипаж, а наутро там находят мёртвую молодую женщину, она надевает шляпку и отправляется помогать полиции — хочет та того или нет. Первый роман об Амелии Баттерворт, героине, которая на тридцать лет опередила мисс Марпл. Авторский перевод Натальи Мейтин.

© Грин А.
© Издательские решения

Содержание

Книга I. Окно мисс Баттерворт 6
Глава I. Находка 6
Глава II. Вопросы 12
Глава III. Амелия открывает себя 16
Глава IV. Сайлас Ван Бёрнам 22
Глава V. «Эту женщину я не знаю» 24
Глава VI. Новые факты 28
Глава VII. Мистер Грайс открывает мисс Амелию 30
Глава VIII. Сёстры Ван Бёрнам 36
Глава IX. Развитие событий 40
Глава X. Важные показания 45
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Дело по соседству

Анна Кэтрин Грин

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingenium. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Анна Кэтрин Грин, 2026
© Наталья Мейтин, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-5975-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Anna Katharine Green. *That Affair Next Door*. New York, 1897
Перевод с английского, эпиграфы к главам и примечания — Натальи Мейтин
© Н. Мейтин, перевод, 2026

Книга I. Окно мисс Баттерворт

Глава I. Находка

Любопытство — порок. Внимательность — добродетель.
Разница лишь в том, кто стоит у окна.
— Из правил мисс Баттерворт

Я женщина нелюбопытная. Но когда тёплой сентябрьской ночью, в самый её глухой час, у соседнего дома остановился экипаж, я не устояла перед искушением подняться с постели и выглянуть в щёлку между занавесками. Исключительно по-соседски.

Во-первых, дом стоял пустой, во всяком случае ему полагалось стоять пустым: семейство, насколько я имела все основания знать, по-прежнему пребывало в Европе. А во-вторых, именно оттого, что я нелюбопытна, в моей одинокой, незамужней жизни мимо меня проходит уйма такого, что знать было бы и занятно, и небесполезно.

К счастью, на этот раз я подобной оплошности не допустила. Я встала и выглянула и, сама того ещё не подозревая, сделала первый шаг по пути, который привёл…

Впрочем, о том, куда он привёл, говорить рано. Лучше расскажу, что я увидела, раздвинув занавески своего окна на Грамерси-парк в ночь с 17 на 18 сентября 1895 года.

На первый взгляд ничего особенного: самая заурядная наёмная карета у соседнего тротуара. Фонарь, которому по должности положено освещать нашу часть квартала, торчит поодаль, на другой стороне улицы, так что внизу я различила лишь смутные тени — молодого человека и молодую женщину. Одно всё же разглядела: деньги вознице отсчитывала женщина, а вовсе не мужчина. Ещё миг, и оба уже стояли на крыльце давно запертого дома, а карета укатила.

Было темно, я уже говорила, и молодых людей я не узнала, по крайней мере фигуры их были мне незнакомы. Но когда щёлкнул ключ и после изрядной возни с замком парочка скрылась за дверью, я рассудила, что это, должно быть, старший сын мистера Ван Бёрнама, Франклин, а с ним какая-нибудь родственница. Хотя с чего бы самому благовоспитанному члену семейства вздумалось среди ночи привести гостью в дом, где нет решительно ничего, чем можно устроить даже самую непритязательную посетительницу, оставалось загадкой. С ней я и удалилась в постель — обдумывать.

Разгадать её, впрочем, не удалось. Минут через десять я уже снова устраивалась ко сну, как вдруг меня опять подняли на ноги звуки с той же стороны. Дверь, которая только что закрылась, отворилась снова, и хотя до окна мне пришлось бежать бегом (в моём возрасте и положении упражнение не самое достойное), я поспела вовремя и увидела, как молодой человек торопливо удаляется в сторону Бродвея. Молодой женщины с ним не было.

Когда я поняла, что он оставил её одну в огромном пустом доме, по всей видимости без света и уж наверняка без всякого общества, я усомнилась, похоже ли это на Франклина Ван Бёрнама. Не больше ли это в духе его брата Говарда, беспечного, покладистого и куда менее надёжного? Года два-три назад Говард женился на молодой особе не вполне удовлетворительного происхождения и, как я слышала, был за это отлучён семейством.

Кто бы из двоих это ни был, о своей спутнице он позаботился прескверно. С этой мыслью я и уснула — ровно в тот миг, когда часы пробили половину первого.

Наутро, едва приличия позволили мне подойти к окну, я самым тщательным образом осмотрела соседний дом. Ни одна штора не поднята, ни один ставень не сдвинут. Встаю я рано,

так что в ту минуту меня это не встревожило. Но когда и после завтрака на огромном глухом фасаде по соседству не обнаружилось ни малейших признаков жизни, мне стало не по себе.

Тем не менее до полудня я ничего не предпринимала. А в полдень вышла в свой садик за домом, увидела, что задние окна у Ван Бёрнамов закрыты ставнями так же наглухо, как передние, и встревожилась настолько, что остановила первого же проходившего мимо полицейского. Я изложила ему свои подозрения и настоятельно попросила позвонить в дверь.

На звонок никто не отозвался.

— Никого тут нет, — сказал он.

— Позвоните ещё раз! — взмолилась я.

Он позвонил ещё раз, с тем же успехом.

— Не видите разве, дом заперт? — проворчал он. — Нам велено за ним приглядывать, и отменять этот приказ никто не отменял.

— Там внутри молодая женщина, — настаивала я. — Чем больше я думаю о том, что видела ночью, тем больше убеждаюсь: в этом необходимо разобраться.

Он пожал плечами и уже собрался уходить, но тут мы оба заметили женщину простого вида, которая стояла перед домом и смотрела на нас. В руке у неё был узелок. Лицо её, хоть и неестественно румяное, выглядело испуганным, и это тем более бросалось в глаза, что было оно из тех деревянных физиономий, которые в обычных обстоятельствах почти ничего не способны выразить.

Женщина была мне знакома, то есть я уже видела её в этом самом доме или поблизости. Не пытаясь хоть как-то обуздать своё волнение, я сбежала на тротуар и обратилась к ней.

— Кто вы такая? — спросила я. — Вы работаете у Ван Бёрнамов? И знаете ли вы, что за дама приехала сюда вчера ночью?

Бедная женщина — то ли от моего внезапного обращения, то ли от тона, который, возможно, был несколько резок, — отпрянула и, если бы не близость полицейского, пожалуй, пустилась бы наутёк. Всё же она осталась на месте, только огненный румянец, и без того приметный, сгустился так, что щёки и лоб сделались пунцовыми.

— Я поломойка, — заявила она. — Пришла открыть окна да проветрить дом.

Последний мой вопрос она пропустила мимо ушей.

— Семейство возвращается? — спросил полицейский.

— Не знаю. Вроде бы, — вяло ответила она.

— Ключи у вас? — потребовала я, заметив, что она шарит в кармане.

Ответа не последовало. Тревогу на её лице сменило хитрое выражение, и она отвернулась.

— Не пойму, какое соседям до этого дело, — пробормотала она, бросив на меня через плечо недовольный взгляд.

— Раз ключи у вас, зайдём и посмотрим, всё ли в порядке, — сказал полицейский, слегка придержав её за локоть.

Она задрожала — я видела, что она дрожит, — и, разумеется, разволновалась и я. В доме Ван Бёрнамов что-то неладно, и я буду присутствовать, когда это откроется! Но следующие её слова мои надежды подрезали.

— Вам — пожалуйста, — сказала она полицейскому, — а ей ключей не дам. Какое она имеет право в наш дом соваться?

И мне послышалось, будто она пробормотала что-то про старую деву, которая всюду суёт нос.

Взгляд, которым меня удостоил полицейский, убедил меня, что слух меня не обманул. Старая дева — ещё куда ни шло. Но «суёт нос»! Я никогда никуда не сую нос. Я наблюдаю.

— Дамочка дело говорит, — объявил он и, весьма непочтительно отодвинув меня плечом, направился к двери в полуподвал, за которой вскоре и скрылся вместе с так называемой поломойкой.

Я осталась ждать у крыльца. Я сочла это своим долгом. Прохожие на миг останавливались поглазеть на меня и шли дальше, но я не дрогнула и поста не покинула. Покуда мне не скажут, что молодая женщина, вошедшая в эти двери в полночь, жива и здорова, а окна закрыты исключительно по причине модной лени, я не считала себя вправе вернуться домой, к своим делам.

Но для этого требовались терпение и некоторая храбрость. Прошло несколько минут, прежде чем на третьем этаже распахнулись ставни, и ещё больше — прежде чем на втором взлетела оконная рама и выглянул полицейский. Встретив мой вопрошающий взгляд, он тут же скрылся.

Тем временем рядом со мной на тротуаре остановились трое-четверо зевак — зародыш толпы, которая не замедлит собраться, — и я уже начинала чувствовать, что дорого плачу за свою добродетельную решимость, когда парадная дверь с грохотом распахнулась и мы увидели трясущуюся фигуру и потрясённое лицо поломойки.

— Мёртвая! — закричала она. — Мёртвая! Убили!

Она кричала бы и дальше, если бы полицейский не втащил её обратно с рыком, весьма похожим на подавленное ругательство.

Он захлопнул бы дверь и перед моим носом, не окажись я проворнее молнии. Я проскочила внутрь прежде, чем дверь закрылась, и очень кстати: в ту самую минуту поломойка, бледневшая на глазах, осела кучей в прихожей. Полицейский — не тот человек, которого я хотела бы видеть рядом в трудную минуту, — растерялся перед новой напастью и позволил мне поднять бедняжку и оттащить подальше в холл.

Она лишилась чувств, и ей следовало бы помочь. Но хоть я всегда рада помочь там, где в помощи нуждаются, едва я со своей ношей поравнялась с дверью в гостиную, как увидела зрелище настолько ужасное, что невольно разжала руки, и бедная женщина соскользнула на пол.

В тёмном углу (свет в комнату попадал только из двери, у которой я стояла) лежала женщина, придавленная упавшей мебелью. Видны были только юбки да раскинутые руки, но всякий, кто увидел бы, как окоченело её тело, ни на миг не усомнился бы, что она мертва.

От столь страшного и, несмотря на все мои опасения, столь неожиданного открытия мне сделалось дурно. Ещё миг — и я, пожалуй, тоже лишилась бы чувств, если бы не сообразила, что никак нельзя терять голову в присутствии мужчины, у которого и своей-то головы не слишком много. Поэтому я стряхнула минутную слабость и, повернувшись к полицейскому, который метался между бесчувственной женщиной за дверью и мёртвой в комнате, резко сказала:

— Ну же, любезный, к делу! Та, что там, мертва, а эта жива. Принесите мне снизу кувшин воды, если сумеете, а потом ступайте за подмогой, какая вам нужна. Я останусь здесь и приведу эту женщину в чувство. Она крепкая, долго возиться не придётся.

— Вы останетесь одна с этой… — начал он.

Но я остановила его презрительным взглядом.

— Разумеется, останусь. А почему бы и нет? Разве мёртвых нужно бояться? Оградите меня от живых, а от мёртвых я уж как-нибудь ограждусь сама.

Но лицо его сделалось крайне подозрительным.

— Воду несите вы, — отрезал он. — И вот что! Крикните кому-нибудь, чтоб позвонили в управление, пусть пришлют коронера и сыщика. Я из этой комнаты ни ногой, пока кто-нибудь из них не явится.

Улыбнувшись столь неуместной осторожности, но следуя своему неизменному правилу никогда не спорить с мужчиной, если не видишь способа взять над ним верх, я сделала, как он велел. Хотя мне ужасно не хотелось покидать это место с его горестной тайной даже ненадолго.

— Поднимитесь на второй этаж, — крикнул он мне вслед, когда я проходила мимо распростёртой поломойки. — Скажите из окна, что нужно, а то вся улица сюда ввалится.

И я побежала наверх. Мне всегда хотелось побывать в этом доме, но барышни Ван Бёрнам меня к тому никогда не поощряли. Что ж, пригласили меня, как видно, обстоятельства. Пройдя в переднюю комнату, дверь которой стояла настежь, я бросилась к окну и окликнула толпу, которая к этому времени запрудила улицу далеко за край тротуара.

— Полицейского! — крикнула я. — Позовите полицейского! Случилось несчастье, и тот, кто здесь за старшего, требует коронера и сыщика из управления.

— Кто пострадал? — Мужчина? — Женщина? — кричали снизу одни, а другие: — Пустите нас!

Но, увидев, как какой-то мальчишка кинулся навстречу приближавшемуся полицейскому, я убедилась, что помощь скоро подоспеет, убрала голову из окна и огляделась в поисках следующего необходимого — воды.

Я была в дамской спальне, вероятно, старшей из барышень Ван Бёрнам. Но спальней этой не пользовались уже несколько месяцев, и в ней, разумеется, не нашлось как раз того, что пригодилось бы сейчас. Ни одеколона на комоде, ни камфоры на каминной полке. Зато в трубах была вода (на что я почти не надеялась) и кружка на умывальнике.

Я наполнила кружку и бросилась к двери, споткнувшись по дороге о какую-то мелочь, в которой тут же признала маленькую круглую игольницу. Я подняла её — терпеть не могу беспорядка, даже в чужом доме и даже в такую минуту, — положила на ближайший столик и продолжила путь.

Поломойка по-прежнему лежала у подножия лестницы. Я плеснула ей в лицо водой, и она тотчас очнулась.

Сев, она уже открыла было рот, но осеклась. Мне это показалось странным, хотя удивления я не выдала.

Тем временем я украдкой заглянула в гостиную. Полицейский стоял там, где я его оставила, и смотрел на распростёртое перед ним тело. На его тяжёлом лице не отражалось никаких чувств. Он не открыл ни одного ставня и, насколько я могла видеть, не сдвинул в комнате ни единого предмета.

Загадочность всего этого дела завораживала меня помимо воли. Оставив совершенно пришедшую в себя поломойку в холле, я была уже на середине гостиной, когда та остановила меня пронзительным криком:

— Не бросайте меня! Отродясь такого страху не видала. Бедняжечка! Бедняжечка! Да что ж он не снимет с неё эти страсти?

Она имела в виду не только упавшую мебель — лучше всего описать её как горку со шкафчиками внизу и полками наверху, — но и всевозможные безделушки, которые посыпались с полок и теперь валялись вокруг осколками.

— Снимут. Скоро снимут, — ответила я. — Он ждёт кого-нибудь поважнее себя. Коронера, если вы знаете, что это такое.

— А ну как она живая! Эта тяжесть её задавит. Давайте снимем. Я подсоблю. Я не такая слабая, чтоб не подсобить.

— Вы знаете, кто это? — спросила я, потому что в её голосе было больше чувства, чем казалось мне естественным при подобных обстоятельствах, как бы ужасны они ни были.

— Я? — переспросила она, и её слабые веки на миг задрожали, пока она силилась выдержать мой испытующий взгляд. — Откуда мне знать? Я вошла с полицейским и ближе, чем

сейчас, не подходила. С чего вы взяли, что я про неё что знаю? Я простая поломойка, я и фамилий-то хозяйских не знаю.

— Мне показалось, вы очень встревожены, — пояснила я, и её настороженность насторожила меня саму: так хитро и вкрадчиво она держалась, что в один миг вся её повадка из испуганной сделалась лукавой.

— А кто б на моём месте не встревожился, когда бедняжка лежит раздавленная под грудой битой посуды!

Посуды! Японские вазы стоимостью в сотни долларов! Часы золочёной бронзы и дрезденские статуэтки, которым никак не меньше двух веков! Многое я простила этой женщине в тот день, но «посуду» не прощу до сих пор.

— Никудышное это понятие о долге, когда мужик стоит столбом да глазеет, а мог бы одной рукой приподнять да показать нам её хорошенькое личико — мёртвая она аль живая.

Поскольку этот взрыв негодования был вполне естествен и с точки зрения человеколюбия не совсем неуместен, я одобрительно ей кивнула и пожалела, что я не мужчина: тогда я сама подняла бы тяжёлую горку, или что там лежало на бедняжке. Но, не будучи мужчиной и не находя разумным раздражать единственного присутствующего представителя этого пола, я промолчала и лишь сделала несколько шагов в глубь комнаты. За мной, как потом выяснилось, последовала и поломойка.

Гостиные Ван Бёрнамов разделены открытой аркой. Мёртвая женщина лежала справа от арки, в углу напротив двери. Приглядевшись — глаза мои понемногу привыкли к полумраку, — я заметила два-три обстоятельства, ускользнувших от меня прежде. Во-первых, она лежала на спине, ногами к двери в холл. Во-вторых, нигде в комнате, кроме как в непосредственной близости от неё, не было никаких следов борьбы или беспорядка.

Всё стояло так же чинно и на своих местах, как в моей собственной гостиной, когда её подолгу не тревожат гости. Дальние комнаты были мне видны плохо, но там, по всей видимости, царил такой же порядок.

Тем временем поломойка пыталась объяснить, отчего опрокинулась горка.

— Бедняжечка! Бедняжечка! Это она, видать, сама на себя её свалила! Да только как же она в дом-то попала? И чего ей понадобилось в этакой пустой домине?

Полицейский, которому, очевидно, предназначались эти слова, прорычал в ответ что-то невразумительное, и женщина в растерянности повернулась ко мне.

Но что я могла ей сказать? Кое-что я знала сама, но доверяться ей было не с руки, и я стоически покачала головой. Вдвойне разочарованная, бедняжка отпрянула, посмотрев сначала на полицейского, потом на меня странным, умоляющим взглядом, который трудно было понять.

Потом она снова опустила глаза на мёртвую девушку у своих ног. Стоя теперь ближе, чем прежде, она, видимо, заметила что-то такое, что её поразило: с тихим вскриком она опустилась на колени и принялась разглядывать юбки девушки.

— Чего вы там высматриваете? — прорычал полицейский. — А ну встаньте! Никто, кроме коронера, не имеет права тут ничего трогать.

— Я ничего худого не делаю, — возразила женщина странным, дрожащим голосом. — Я только хотела поглядеть, что на ней надето. Синее что-то, да? — обратилась она ко мне.

— Синяя саржа, — ответила я. — Готовое платье, но очень хорошее. Должно быть, от «Олтмена» или «Стерна».

— Я… я к такому непривычная, — запинаясь, пробормотала поломойка. Она неуклюже поднялась на ноги с таким видом, будто последние остатки её разума отправились вслед за прочими в бессрочный отпуск. — Я… пойду-ка я, пожалуй, домой.

Но с места не двинулась.

— Молоденькая она, бедняжечка, правда? — вкрадчиво спросила она немного погодя, и странная запинка в голосе придала вопросу оттенок сомнения.

— Думаю, моложе и вас, и меня, — снизошла я до ответа. — Узкие остроносые туфли показывают, что до возраста благоразумия она ещё не дожила.

— Да-да, так и есть! — подхватила поломойка с жаром, слишком горячим для полного простодушия. — Потому я и сказала «бедняжечка» и про личико хорошенькое. Жалко мне молоденьких, когда они в беду попадают, а вам нет? Вот лежали бы тут мы с вами — никому бы особо хуже не сделалось, а такая милая барышня…

Это было не слишком для меня лестно. «Говорите за себя», — хотела было ответить я, но мне помешал протяжный крик с крыльца: кто-то налёг на парадную дверь, а следом пронзительно задребезжал звонок.

— Из управления, — невозмутимо объявил полицейский. — Откройте дверь, мэм, или отойдите в глубь холла, коли хотите, чтоб открыл я.

Такая грубость была совершенно излишней. Но, считая себя слишком важной свидетельницей, чтобы выказывать чувства, я проглотила негодование и со всем присущим мне от рождения достоинством направилась к парадной двери.

Глава II. Вопросы

Хвалить женщину за честность — всё равно что хвалить часы за то, что они идут.
— Из правил мисс Баттерворт

Открывая, я слышала, как гудит толпа снаружи: при первом же намёке на то, что дверь отворяется, она подалась вперёд. Но как ни громок был этот гул после тишины запертого дома, я всё же успела заметить, что ночной посетитель, уходя, дверь на ключ не запер и она держалась только на защёлке.

Я повернула ручку, дверь открылась, и за ней обнаружились орава галдящих мальчишек и двое джентльменов, ожидавших на пороге. Я нахмурилась на мальчишек и улыбнулась джентльменам. Улыбки мои, замечу, раздаются нечасто и ценятся соответственно. Один из них был грузен и добродушен с виду, другой сухощав и несколько суров.

Однако оказанной им чести джентльмены почему-то не оценили: оба наградили меня недовольным взглядом, столь странным и неприязненным, что я было вспыхнула, хотя скоро вернулась к обычной своей манере. Уж не поняли ли они с первого взгляда, что мне суждено стать занозой для всех причастных к этому делу — и не на один день?

— Это вы кричали из окна? — спросил тот, что покрупнее. Какое у него здесь дело, я поначалу затруднялась определить.

— Я, — ответила я с совершенным самообладанием. — Я живу по соседству и оказалась здесь благодаря живому участию, которое всегда принимаю в соседях. У меня были основания думать, что в этом доме не всё благополучно, и я не ошиблась. Загляните в гостиную, господа.

Живое участие в соседях, если хотите знать, совсем не то же самое, что любопытство.

Они уже стояли на пороге гостиной и в дальнейших приглашениях не нуждались. Грузный вошёл первым, сухощавый за ним, и будьте уверены, я не отставала. Зрелище, представшее нашим глазам, было, как вы знаете, достаточно жутким, но эти люди, очевидно, привыкли к жутким зрелищам и почти не выказали волнения.

— Я думал, дом пустует, — заметил второй джентльмен, в котором явно угадывался доктор.

— Так и было до вчерашней ночи, — вставила я и уже собралась рассказать свою историю, как вдруг почувствовала, что меня дёргают за юбку.

Обернувшись, я обнаружила, что знак этот подала поломойка, стоявшая вплотную ко мне.

— Что вам нужно? — спросила я, не понимая её, да и скрывать мне было нечего.

— Мне? — пролепетала она с испуганным видом. — Ничего, мэм, ничего.

— Тогда не перебивайте, — сурово одёрнула я её, раздосадованная вмешательством, которое могло бросить тень на мою откровенность. — Эта женщина пришла сюда мыть полы, — объяснила я. — Благодаря её ключу мы и смогли попасть в дом. Полчаса назад я впервые перемолвилась с ней словом.

Тут она, с изворотливостью, какой я никак не ожидала от особы её наружности, дала своим чувствам новое направление и, указывая на мёртвую, запальчиво вскричала:

— А бедняжка-то! Что ж вы с неё не снимете эту тяжесть? Грех оставлять её под таким грузом. А ну как в ней жизнь осталась!

— О, на это надежды нет, — пробормотал доктор, приподняв одну её руку и снова опустив.

— И всё же… — он покосился на своего спутника, и тот многозначительно кивнул, — пожалуй, стоит приподнять горку настолько, чтобы я мог положить руку ей на сердце.

Так они и сделали, и доктор, нагнувшись, положил руку на бедную изувеченную грудь.

— Жизни нет, — негромко сказал он. — Она мертва уже несколько часов. Как вы думаете, не освободить ли голову? — продолжал он, снизу вверх взглянув на стоявшего рядом грузного джентльмена.

Но тот, всё больше мрачнея, предостерегающе поднял палец и, повернувшись ко мне, спросил с внезапной властностью:

— Что вы имели в виду, говоря, что дом пустовал до вчерашней ночи?

— Ровно то, что сказала, сэр. Он пустовал примерно до полуночи, когда двое…

Снова меня дёрнули за платье, на этот раз очень осторожно. Чего добивается эта женщина? Не смея на неё взглянуть — эти мужчины и без того готовы были усмотреть злой умысел во всём, что я делаю, — я тихонько высвободила юбку, отступила на шаг и продолжала как ни в чём не бывало:

— Я сказала «двое»? Мне следовало сказать: мужчина и женщина подъехали к дому и вошли. Я видела их из своего окна.

— Вот как? — пробормотал мой собеседник, в котором я к тому времени признала сыщика. — И это, надо полагать, та самая женщина? — продолжал он, указывая на бедняжку, лежавшую перед нами.

— Ну да, разумеется. Кто же ещё? Лица её я вчера не видела, но она была молода, легка на ногу и весело взбежала на крыльцо.

— А мужчина? Где мужчина? Я его здесь не вижу.

— Меня это не удивляет. Он ушёл очень скоро после того, как пришёл, — я бы сказала, минут через десять, не больше. Это меня и встревожило, поэтому я и настояла, чтобы дом осмотрели. Мне показалось неестественным — и не похожим ни на кого из Ван Бёрнамов — оставить женщину ночевать одну в таком огромном доме.

— Вы знакомы с Ван Бёрнамами?

— Не близко. Но это неважно. Я знаю, что о них говорят: они джентльмены.

— Но мистер Ван Бёрнам в Европе.

— У него двое сыновей.

— Они живут здесь?

— Нет. Неженатый ночует в Лонг-Бранче, а другой с женой где-то в Коннектикуте.

— Как же молодая пара, которую вы видели, попала сюда вчера? Был тут кто-нибудь, кто их впустил?

— Нет, у джентльмена был ключ.

— А, у него был ключ.

Тон, каким это было сказано, мне потом вспомнился. Но в ту минуту меня куда больше поразил странный звук за спиной, не то всхлип, не то щелчок в горле. Я знала, что он исходит от поломойки, и, как ни удивительно, звук этот показался мне выражением удовлетворения. Чем мои слова могли порадовать бедняжку, я и вообразить не могла. Передвинувшись так, чтобы видеть её лицо, я продолжала с мрачным самообладанием, присущим моему характеру:

— А выйдя, он быстро зашагал прочь. Карета его не дожидалась.

— А! — снова пробормотал джентльмен, подбирая с пола один из фарфоровых осколков. Я же тем временем изучала лицо поломойки, на котором, к моему изумлению, отражалась совершенно необъяснимая путаница чувств.

Мистер Грайс, возможно, тоже это заметил, потому что тотчас обратился к ней, хотя по-прежнему смотрел на осколок в руке.

— А как вышло, что вы убираете дом? — спросил он. — Семейство возвращается?

— Возвращается, сэр, — ответила она. Едва заметив, что внимание обращено на неё, она мастерски спрятала волнение и вдруг заговорила с такой бойкостью, что мы все уставились на неё. — Их ждут со дня на день. Я и сама узнала только вчера — или вчера? нет, позавчера,

— когда молодой мистер Франклин — это старший сын, сэр, очень славный человек, *очень* славный — написал мне, чтоб я приготовила дом. Я им не в первый раз убираю, сэр. Как взяла у агента ключ от полуподвала, так и пришла сюда и весь вчерашний день мыла полы да вытирала пыль. И сегодня бы с утра за это взялась, да муж захворал. Пришлось идти в лечебницу за лекарством, и пришла я только к полудню, а тут эта дама стоит с полицейским, очень славная дама, *очень* славная, сэр, моё ей почтение, — и она, можете себе представить, присела передо мной, как крестьянка в пьесе, — и они взяли у меня ключ, и полицейский открывает дверь, и мы с ним идём наверх и по всем комнатам, а как дошли до этой…

Она разволновалась до того, что стала почти невразумительна. Резко осёкшись, она принялась нервно теребить передник, а я спросила себя, как могла она весь вчерашний день работать в этом доме, а я об этом не знала. Тут я вспомнила, что утром мне нездоровилось, а после обеда я была занята в сиротском приюте. Несколько успокоенная тем, что нашлось столь превосходное оправдание моему неведению (не знать, что творится за стеной, для меня почти так же досадно, как не знать, что творится в собственной кладовой), я подняла глаза, чтобы проверить, заметил ли сыщик что-нибудь странное в поведении этой женщины.

Надо полагать, заметил. Но, лучше меня зная, как пугаются простые люди перед лицом опасности и беды, он придал этому меньше значения, чем я. И втайне я этому порадовалась, сама не вполне понимая почему.

— Вы понадобитесь как свидетельница на дознании у коронера, — заметил он ей, будто обращался к осколку фарфора, который вертел в руке. — Ну-ну, без глупостей! — возразил он, когда она задрожала и принялась упрашивать. — Вы первая увидели эту мёртвую женщину, и вам придётся это подтвердить. Когда будет дознание, сказать не могу, так что побудьте поблизости, пока не приедет коронер. Он скоро будет. Вы и эта другая женщина тоже.

Под «другой женщиной» он разумел *меня*, мисс Баттерворт, из семьи с колониальными корнями, особу немалого веса в свете. Хотя такое небрежное смешение меня с бедной поломойкой пришлось мне не по вкусу, я постаралась не выказать неудовольствия. Я рассудила, что как свидетельницы мы перед законом равны и что он смотрит на нас исключительно с этой точки зрения.

В манере обоих джентльменов было нечто, убедившее меня: присутствие моё в доме желательно, а вот в комнате — не особенно. Поэтому я с неохотой двинулась прочь, как вдруг почувствовала лёгкое, но властное прикосновение к руке и, обернувшись, увидела рядом сыщика, по-прежнему изучавшего свой осколок фарфора.

Он был, как я уже говорила, грузного сложения и благодушной наружности — человек отеческого вида, совсем не из тех, кого связываешь с полицией. И всё же он без труда брал дело в свои руки, и когда он заговорил, я почувствовала себя обязанной ответить.

— Будьте так добры, мадам, повторите, что вы видели вчера из своего окна. Скорее всего, этим делом буду заниматься я, и мне было бы приятно выслушать всё, что вы можете о нём сказать.

— Моя фамилия Баттерворт, — вежливо дала я понять.

— А моя — Грайс.

— Сыщик?

— Он самый.

— Вы, должно быть, считаете это дело очень серьёзным, — отважилась я.

— Насильственная смерть всегда серьёзна.

— Я хочу сказать, вы считаете эту смерть чем-то большим, чем несчастный случай.

Его улыбка, казалось, говорила: «Сегодня вы не узнаете, что я о ней думаю».

«А вы сегодня не узнаете, что думаю о ней я», — мысленно ответила я, но вслух ничего не сказала. Ему было семьдесят пять, никак не меньше, а меня приучили почитать старость,

и почитаю я её уже пятьдесят с лишним лет. Хотя, признаться, никогда ещё это почтение не давалось мне с таким трудом.

Должно быть, мои мысли отразились у меня на лице, а он увидел это отражение на полированной поверхности фарфора, который созерцал. Губы его тронула тень улыбки, достаточно насмешливой, чтобы я поняла: он далеко не так добродушен, как обещает его лицо.

— Ну-ну, — сказал он, — вон уже и коронер. Скажите, что имеете сказать, как и подобает прямой и честной женщине, какой вы кажетесь.

— Я не люблю комплиментов, — отрезала я. Они и в самом деле всегда были мне противны. Как будто есть какая-то заслуга в том, чтобы быть честной и прямой, или какая-то честь в том, чтобы тебе об этом сообщили!

— Я мисс Баттерворт и не привыкла, чтобы со мной разговаривали как с простой деревенской бабой, — возразила я. — Но я повторю, что видела вчера ночью. Это не секрет, рассказ мне не повредит, а вам может помочь.

И я пересказала всю историю, причём оказалась куда словоохотливее, чем намеревалась, — такой вкрадчивой была его манера и такими уместными его вопросы. Но одного предмета мы оба не коснулись: странного поведения поломойки. Возможно, ему оно не показалось странным; возможно, и мне не следовало так его воспринимать. Но в молчании, которое мы оба хранили на этот счёт, я почувствовала, что приобрела над ним преимущество, которое ещё может мне очень пригодиться.

Чувствовала бы я это и поздравляла бы себя со своим мнимым превосходством столь же горячо, знай я, что передо мной тот самый человек, который вёл дело Ливенворта, а в молодые годы пережил то удивительное приключение на лестнице в «Отраде сердца»? Пожалуй, да. Ибо хотя приключений у меня не бывало, я чувствую, что вполне на них способна. А что до особой проницательности, которую он мог проявить за свою долгую и богатую событиями карьеру, так это качество могут разделять с ним и другие — что я и надеюсь доказать, прежде чем закончу эти страницы.

Глава III. Амелия открывает себя

Свои мысли лучше всего записывать на обороте неоплаченного счёта: так он хоть на что-то годится.
— Из правил мисс Баттерворт

В дальнем конце особняка Ван Бёрнамов есть маленькая комната. Там я и нашла убежище после разговора с мистером Грайсом. Выбрав кресло поудобнее и расположившись для приятной беседы с собственными мыслями, я с удивлением обнаружила, до чего мне всё это нравится. И это несмотря на тысячу и одну обязанность, дожидавшуюся меня по ту сторону общей стены.

Даже само уединение было кстати: оно давало возможность всё обдумать. До этого самого часа я и не подозревала, что наделена какими-то особыми дарованиями. Мой отец, проницательный человек старой новоанглийской закваски, повторял больше раз, чем мне лет (а это не так уж часто, как кое-кто может подумать), что Араминта ещё себя покажет.

Араминта — имя, которым меня окрестили и которое вы найдёте в записи в семейной Библии. Подписываюсь же я Амелией и требую, чтобы ко мне обращались именно так, ибо надеюсь, что я женщина здравомыслящая, а не тот обломок допотопной чувствительности, какой вызывает в памяти прежнее имя. Арамитой зовут героиню романса, которая чахнет у окна. Я у окна не чахну. Я у окна наблюдаю. В каком качестве Араминта себя покажет, отец так и не уточнил. Он, как я уже заметила, был человек проницательный, а значит, не из тех, кто опрометчиво связывает себя словом.

Теперь я знаю, что он был прав. Мои притязания ведут начало с той минуты, когда я обнаружила, что это дело, на первый взгляд такое простое, а на второй такое запутанное, пробудило во мне лихорадку расследования, которую никакими доводами не унять. Хотя голова у меня была занята и другими, более личными делами, мысли мои упорно возвращались к подробностям трагедии.

Заметив, как мне казалось, кое-какие обстоятельства, из которых можно сделать выводы, я развлекалась тем, что записывала их на обороте спорного бакалейного счёта, случайно оказавшегося у меня в кармане. Счёт этот я оспаривала уже третью неделю; наконец-то он принёс хоть какую-то пользу.

Для объяснения трагедии эти заметки ничего не стоят, поскольку основаны на недостаточных данных. Но они, быть может, любопытны тем, что показывают работу моего ума уже на этой ранней стадии. Я расположила их под тремя заголовками.

Первое: была ли смерть молодой женщины несчастным случаем?

Второе: было ли это самоубийство?

Третье: было ли это убийство?

Под первым заголовком я написала:

Почему я не думаю, что это несчастный случай.

1. Если бы это был несчастный случай и она сама опрокинула на себя горку, её нашли бы ногами к стене, у которой горка стояла.

(А она лежала ногами к двери и головой под горкой.)

2. Благопристойное, даже аккуратное положение платья у её ног, исключающее всякую мысль о случайности.

Под вторым:

Почему я не думаю, что это самоубийство.

Её не могли бы найти в таком положении, если только она не легла на пол живой, а потом не обрушила полки на себя.

(Предположение слишком невероятное, чтобы его рассматривать.)

Под третьим:

Почему я не думаю, что это убийство.

Её пришлось бы удерживать на полу, пока на неё опрокидывали горку, а спокойное положение рук и ног делает это невозможным.

К этому я прибавила:

Доводы в пользу убийства.

1. Она вошла в дом не одна: с ней вошёл мужчина, пробыл десять минут, а потом вышел и скрылся в конце улицы, всем видом показывая спешку и желание поскорее уйти. 2. Парадную дверь, которую он отпер, входя, он, уходя, на ключ не запер: заперла её защёлка. И хотя вернуться ему было бы проще простого, возвращаться он явно не собирался. 3. Положение юбок, выдающее прикосновение заботливой руки уже после смерти.

Ничего определённого, как видите. Я сомневалась во всём, и всё же подозрения мои склонялись к убийству.

К счастью, второй завтрак я съела ещё до того, как вмешалась в это дело, потому что к коронеру меня позвали только в три часа, хотя о его приезде я знала задолго до того. Расследование расследованием, но пропускать трапезы я не намерена ни ради какой тайны.

Он был в передней гостиной, где лежала мёртвая девушка. Направляясь туда, я почувствовала ту же дурноту, что едва не одолела меня в прошлый раз. Но я её поборола и переступила порог, вполне владея собой.

В комнате было несколько джентльменов, но заметила я лишь двоих: одного я приняла за коронера, другой был мой недавний собеседник, мистер Грайс. Судя по тому, как он оживился, я заключила, что с сыщицкой точки зрения дело становится всё интереснее.

— А, это и есть свидетельница? — спросил коронер, когда я вошла.

— Я мисс Баттерворт, — спокойно ответила я. — *Амелия* Баттерворт. Живу по соседству и присутствовала, когда нашли эту несчастную, убитую.

— Убитую, — повторил он. — Почему вы говорите «убитую»?

Вместо ответа я вынула из кармана счёт, на котором нацарапала свои выводы.

— Прочтите, — сказала я.

Явно удивлённый, он взял у меня бумагу и, бросив на меня несколько любопытных взглядов, снизошёл до того, чтобы исполнить мою просьбу. Дочитав, он посмотрел на меня со странным, невольным восхищением и поспешно передал бумагу сыщику.

Тот успел сменить свой осколок фарфора на изрядно изжёванный карандаш. Прежде чем спрятать карандаш в карман, он хмуро и как-то забавно на него покосился. Потом прочёл мои торопливые каракули.

— Два Ричмонда на поле брани! — со смешком заметил коронер. — Боюсь, придётся мне уступить их объединённым силам. Мисс Баттерворт, сейчас будут поднимать горку. Как по-вашему, вы выдержите это зрелище?

Кто такой Ричмонд, я знала прекрасно: отец читал мне Шекспира вслух по воскресеньям. Но который из нас двоих настоящий Ричмонд, а который ряженый, коронер благоразумно уточнять не стал.

— Я вынесу что угодно, когда речь идёт о правосудии, — ответила я.

— Отлично. Тогда присядьте, пожалуйста. Когда тело будет видно целиком, я вас позову.

И, выступив вперёд, он распорядился убрать от тела часы и битый фарфор.

Когда часы положили на край каминной полки, кто-то заметил:

— Какой ценный свидетель вышел бы из этих часов, если бы они шли, когда упали полки!

Но было так очевидно, что они не шли уже много месяцев, что никто даже не ответил, а мистер Грайс и не взглянул в их сторону. Впрочем, все мы видели, что стрелки стоят на без трёх минут пять.

Меня просили сесть, но я не могла. Бок о бок с сыщиком я смотрела, как тяжёлую горку водворяют на место у стены и как медленно открывается верхняя часть тела, так долго скрытая от глаз.

То, что я не дрогнула, доказывает, что отцовское пророчество было не лишено оснований: такое зрелище могло испытать самые крепкие нервы и разжалобить самое чёрствое сердце.

Коронер, встретив мой взгляд, вопросительно указал на несчастную.

— Это та женщина, которую вы видели вчера ночью?

Я взглянула на её платье, заметила короткую летнюю пелерину, завязанную у шеи затейливым бантом, и кивнула.

— Пелерину я помню, — сказала я. — Но где её шляпка? Она была в шляпке. Дайте-ка я попробую её описать.

Закрыв глаза, я постаралась вспомнить смутный силуэт, протягивающий вознице деньги, и настолько в этом преуспела, что в следующий миг объявила: шляпка была, судя по всему, мягкая фетровая, с одним пером или одним бантом, торчащим сбоку тульи.

— Значит, установлено, что это та самая женщина, — заметил сыщик и, нагнувшись, вытащил из-под тела бедной девушки шляпку, достаточно похожую на ту, что я описала, чтобы все убедились: это она.

— Как будто в этом могли быть сомнения, — начала я.

Но коронер, объяснив, что это простая формальность, жестом попросил меня уступить место доктору, которому явно не терпелось подойти поближе. Я уже собралась так и сделать, как вдруг меня осенило, и я протянула руку за шляпкой.

— Позвольте взглянуть на неё минутку, — сказала я.

Мистер Грайс тотчас мне её передал, и я хорошенько осмотрела её внутри и снаружи.

— Она порядком измята, — заметила я, — и вид у неё не очень свежий, но надевали её всего один раз.

— Откуда вы знаете? — спросил коронер.

— Пусть вам объяснит другой Ричмонд, — мрачно ответила я, возвращая шляпку в руки сыщика.

Вокруг меня пробежал ропот — насмешливый или недовольный, я не стала разбираться. Я кое-что выясняла для себя, и мне было всё равно, что они обо мне думают.

— И платье она носила недолго, — продолжала я. — А вот туфли — другое дело. Они не старые, но с мостовой знакомы, чего не скажешь о подоле этого платья. Перчаток на руках нет. Значит, до нападения прошло несколько минут — достаточно, чтобы их снять.

— Умная женщина! — прошептал мне на ухо голос, наполовину восхищённый, наполовину насмешливый, в котором я без труда узнала мистера Грайса. — Но уверены ли вы, что она была в перчатках? Вы заметили, что рука у неё была в перчатке, когда она входила в дом?

— Нет, — откровенно ответила я. — Но такая хорошо одетая женщина не вошла бы в такой дом без перчаток.

— Ночь была тёплая, — предположил кто-то.

— Неважно. Вы найдёте её перчатки так же, как нашли шляпку, и найдёте их вывернутыми наизнанку, пальцами внутрь, — так, как она стянула их с рук. Вот и всё, в чём я готова уступить тёплой погоде.

— Вот такие, например? — вмешался спокойный голос.

Из-за моего плеча протянулась рука и покачала перед моими глазами парой перчаток. Вздрогнув, я вскричала, признаюсь, несколько чересчур торжествующе:

— Да-да, именно такие! Вы подобрали их здесь? Это её?

— Вы говорите, что её перчатки должны выглядеть именно так.

— И повторяю это.

— Тогда позвольте вас поздравить. Их подобрали здесь.

— Но где? — воскликнула я. — Мне казалось, я хорошо осмотрела этот ковёр.

Он улыбнулся — не мне, а перчаткам, — и у меня мелькнула мысль, что, по его ощущению, наизнанку сейчас выворачивают не одни только перчатки. Поэтому я поджала губы и решила впредь держаться осторожнее.

— Это не имеет значения, — заверила я его. — Всё это выяснится на дознании.

Мистер Грайс кивнул и убрал перчатки в карман. Вместе с ними он, кажется, убрал туда изрядную долю своего добродушия и терпения.

— Все эти факты обсудили ещё до вашего прихода, — сказал он. Утверждение это я позволю себе считать сомнительным.

Доктор, не шевельнувший за весь этот разговор ни единым мускулом, поднялся с колен у головы девушки.

— Придётся пригласить ещё одного врача, — сказал он. — Не пошлёте ли за кем-нибудь из вашего ведомства, коронер Даль?

Я отступила, а коронер шагнул вперёд, бросив, однако, мне на ходу:

— Дознание состоится послезавтра у меня в конторе. Будьте готовы явиться. Я считаю вас одной из главных свидетельниц.

Я заверила его, что явлюсь, и, повинуясь движению его пальца, удалилась из комнаты. Но из дома пока не ушла.

В холле, облокотившись о столбик перил, стоял прямой худощавый мужчина с очень маленькой головой, зато с очень блестящими глазами. Увидев меня, он выпрямился так живо, что я поняла: у него ко мне дело. Я остановилась и подождала, пока он заговорит.

— Вы мисс Баттерворт? — спросил он.

— Да, сэр.

— А я репортёр из «Нью-Йорк уорлд». Не позволите ли вы…

Почему он замолчал? Я всего лишь посмотрела на него. Но он замолчал, а для репортёра из «Нью-Йорк уорлд» это говорит о многом. Мой взгляд, признаться, не раз останавливал и не таких говорунов. Однажды он заставил умолкнуть нашего приходского священника на середине проповеди.

— Я, разумеется, готова рассказать вам то же, что рассказала всем остальным, — вставила я, рассудив, что благоразумнее не наживать врага в лице столь понятливого молодого человека. Увидев, как он просиял, я изложила ему всё, что сочла желательным довести до сведения широкой публики.

Я уже собралась уходить, но, подумав, что услуга требует ответной услуги, задержалась и спросила, как он думает, оставят ли мёртвую девушку в этом доме на ночь.

Он ответил, что вряд ли. Некоторое время назад молодому мистеру Ван Бёрнаму послали телеграмму, и теперь ждут только его приезда, чтобы увезти тело.

— Вы имеете в виду Говарда? — спросила я.

— Он старший?

— Нет.

— Вызвали старшего, того, что жил в Лонг-Бранче.

— Как же его ждут так скоро?

— Он в городе. Старый джентльмен, похоже, возвращается на «Нью-Йорке», пароход должен прийти сегодня, и Франклин Ван Бёрнам приехал его встречать.

«Хм! — подумала я. — Весёлые времена нам предстоят». И тут впервые вспомнила про свой обед, про неотданные распоряжения насчёт занавесок, которые должны были повесить сегодня, и про все прочие причины, по которым мне следовало быть дома.

Должно быть, чувства мои отразились у меня на лице, как ни горжусь я своей невозмутимостью при любых обстоятельствах, потому что он тут же предложил мне руку и вызвался

провести меня сквозь толпу к моему дому. Я уже собиралась принять предложение, когда в дверь позвонили так резко, что мы невольно остановились.

— Новый свидетель или телеграмма для коронера, — шепнул мне на ухо репортёр.

Я постаралась принять безразличный вид и, несомненно, преуспела, потому что он, лукаво глянув мне в лицо, добавил:

— Вы ведь не хотите задерживаться?

Я не ответила, но, думаю, моё достоинство произвело на него впечатление. Неужто он не понимал, что выскочить за дверь навстречу входящему было бы верхом невоспитанности? Только воспитание, и ничто иное, удержало меня в холле.

Полицейский открыл дверь, и когда мы увидели, кто стоит на пороге, я уверена, что и репортёр, и я были равно благодарны себе за то, что прислушались к велениям вежливости. Это был молодой мистер Ван Бёрнам, Франклин, — я хочу сказать, старший и более почтенный из двух сыновей.

Он раскраснелся от волнения и смотрел так, словно готов был уничтожить толпу, толкавшую его на собственном крыльце. Входя, он бросил гневный взгляд назад, и тут я увидела, что на другой стороне улицы стоит карета, заваленная багажом, и поняла, что в отцовский дом он вернулся не один.

— Что случилось? Что всё это значит? — бросил он нам, когда дверь за ним закрылась и он очутился лицом к лицу с полудюжиной незнакомцев, среди которых мы с репортёром были особенно на виду.

Ответил ему мистер Грайс, неожиданно появившийся откуда-то.

— Прискорбное происшествие, сэр. Здесь обнаружена молодая девушка, мёртвая, раздавленная одной из горок в вашей гостиной.

— Молодая девушка! — повторил он. (О, как я радовалась, что меня воспитали никогда не преступать правил вежливости!) — Здесь? В запертом доме? Какая молодая девушка? Вы хотите сказать — старуха? Поломойка или ещё кто-нибудь…

— Нет, мистер Ван Бёрнам, мы говорим то, что говорим. Хотя, возможно, мне следовало назвать её молодой дамой. Одета она весьма модно.

— Какого… — Право, я не могу повторить во всеуслышание слово, которое употребил мистер Ван Бёрнам. Тогда я его простила, но увековечивать его забывчивость на этих страницах не стану.

— Она всё ещё лежит так, как мы её нашли, — продолжал мистер Грайс своим тихим, почти отеческим тоном. — Не взглянете ли на неё? Быть может, вы скажете нам, кто она?

— Я? — Мистер Ван Бёрнам, казалось, был потрясён. — Откуда мне её знать! Какая-нибудь воровка, наверное, — убилась, пока шарила в чужом добре.

— Возможно, — лаконично обронил мистер Грайс.

Это меня так рассердило (ведь это вводило в заблуждение моего красивого молодого соседа), что я не удержалась и сделала то, чего твёрдо решила не делать: выступила вперёд и вмешалась в разговор.

— Как вы можете так говорить, — вскричала я, — когда её впустил сюда молодой человек! Он открыл дверь ключом в полночь, а потом оставил её одну изводиться в этом огромном доме.

За свою жизнь я не раз производила впечатление, но такого — ещё никогда. В одно мгновение все глаза обратились на меня, кроме глаз сыщика. Его взгляд был прикован к бронзовой фигурке, венчавшей столбик перил, и взгляд этот был весьма суров. Впрочем, он тотчас сделался настороженным, когда молодой человек порывисто шагнул ко мне и потребовал:

— Кто это говорит? А, это мисс Баттерворт. Мадам, боюсь, я не вполне понял, что вы сказали.

Тогда я повторила свои слова, на этот раз очень спокойно, но внятно, а мистер Грайс всё хмурился на бронзовую фигурку, которую избрал своей наперсницей. Фигурка, надо отдать ей должное, слушала его с величайшим вниманием и ничем себя не выдавала. Я начинала подозревать, что они сговорились.

Когда я кончила, лицо мистера Ван Бёрнама изменилось, а с ним и манера. Он держался всё так же прямо, но уже без прежней бравады. Он по-прежнему выказывал спешку и нетерпение, но спешку другого рода и не совсем то нетерпение. Уголки губ мистера Грайса выдавали, что эту перемену он заметил, но от столбика перил он не отвернулся.

— То, что вы сейчас рассказали, весьма примечательно, — заметил мистер Ван Бёрнам и впервые в жизни мне поклонился. — Не знаю, что и думать. Но я по-прежнему считаю, что это какая-нибудь воровка. Убита, вы говорите? В самом деле мертва? Что ж, я бы дал пятьсот долларов, чтобы это случилось не в нашем доме.

Он всё это время двигался к двери гостиной и теперь вошёл туда. Мистер Грайс мгновенно оказался рядом.

— Неужели они закроют дверь? — шепнула я репортёру, который впитывал всё это наравне со мной.

— Боюсь, что да, — пробормотал он.

И закрыли. Мистеру Грайсу, очевидно, моё вмешательство надоело, и он решил меня не пускать. Но прежде чем тяжёлая дверь захлопнулась, я услышала одну фразу и мельком увидела лицо мистера Ван Бёрнама. Фраза была: «Боже, в каком она виде! Как же её узнать…» А лицо — что ж, мне хватило этого беглого взгляда, чтобы понять: он взволнован куда глубже, чем хочет показать. И всякое необычайное волнение с его стороны прямо противоречило тем самым словам, которые он в ту минуту произносил.

Глава IV. Сайлас Ван Бёрнам

Уйти вовремя — признак хорошего воспитания. Задержаться на пять минут — признак хорошей наблюдательности.
— Из правил мисс Баттерворт

— Как бы я ни была нужна дома, долг не позволяет мне пока уйти, — доверительно сообщила я репортёру, как мне казалось, с подобающей рассудительностью и сдержанностью. — Мистер Ван Бёрнам, возможно, захочет задать мне какие-нибудь вопросы.

— Конечно, конечно, — согласился тот. — Вы совершенно правы. Вы, надо думать, всегда совершенно правы.

Не поняв, что он хочет этим сказать, я нахмурилась. Нахмуриться в неясных обстоятельствах всегда разумно — если, конечно, желаешь сохранить вид независимости и неприязни к лести.

— Не присядете ли? — предложил он. — В конце холла есть стул.

Но садиться мне не пришлось. В парадную дверь снова позвонили, и в ту самую минуту, как её открыли, отворилась и дверь гостиной. В холл вышел мистер Франклин Ван Бёрнам — как раз когда в вестибюль вступил его отец, мистер Сайлас Ван Бёрнам.

— Отец! — встревоженно и укоризненно воскликнул он. — Неужели нельзя было подождать?

Старый джентльмен, которого, очевидно, только что привезли с парохода, вытер лоб с тем раздражённым видом, какой, скажу прямо, я замечала у него и прежде, и по куда меньшим поводам.

— Подождать? Когда толпа орёт мне в уши «убийство», Изабелла с одного боку требует нюхательной соли, а у Кэролайн с другого вокруг рта проступает синева, которой мы так боимся в жару? Нет, сэр, когда творится что-то неладное, я желаю об этом знать, а здесь явно творится что-то неладное. Что такое? Опять какие-нибудь Говардовы…

Но сын, схватив меня за руку и выдвинув вперёд, быстро оборвал фразу старого джентльмена:

— Мисс Баттерворт, отец! Наша соседка, ты ведь знаешь.

Никогда ещё мною не затыкали чужую фразу, как пробкой бутылку. Роль эта мне не понравилась, но исполнила я её безупречно.

— А! Гм! Ха! Мисс Баттерворт. Как поживаете, мэм? Какого… она здесь делает? — проворчал он не настолько тихо, чтобы я не расслышала и крепкого словца, и отнюдь не лестного намёка на мою особу.

— Если ты пройдёшь в гостиную, я тебе расскажу, — настаивал сын. — Но куда ты дел Изабеллу и Кэролайн? Оставил их в карете среди этой улюлюкающей толпы?

— Я велел кучеру ехать дальше. Они, наверное, уже на полпути вокруг квартала.

— Тогда входи сюда. Только не принимай слишком близко к сердцу то, что увидишь. Здесь случилось печальное происшествие, и тебе придётся увидеть кровь.

— Кровь! О, это я вынесу, лишь бы Говард…

Остальное потонуло в стуке закрывающейся двери.

И теперь, скажете вы, мне следовало уйти. И вы будете правы. Но ушли бы вы сами — особенно когда холл был полон людей, которым там вовсе нечего было делать?

Если да — тогда осуждайте меня за то, что я задержалась ещё на несколько минут.

Сама я себя не осуждаю. Я себя оправдываю, и весьма убедительно.

Голоса в гостиной звучали громко, но вскоре стихли. Когда хозяин дома вышел снова, вид у него был подавленный — перемена после гнева, с каким он входил, не менее разительная,

чем та, что я заметила в его сыне. Он был до того поглощён своими мыслями, что не заметил меня, хотя я стояла прямо у него на пути.

— Не пускай сюда Говарда, — глухо и тихо говорил он сыну. — Держи Говарда подальше, пока мы не убедимся…

Я уверена, что сын в эту минуту сжал ему руку, потому что он осёкся и огляделся по сторонам слепо и ошеломлённо.

— О! — воскликнул он весьма недовольным тоном. — Это та женщина, которая видела…

— Мисс Баттерворт, отец, — перебил его встревоженный голос сына. — Не пытайся говорить: такое зрелище выбьет из колеи кого угодно.

— Да, да, — зашумел старый джентльмен, явно поймав какой-то намёк в тоне или манере сына. — Но где девочки? Они умрут от страха, если мы их не успокоим. Они вообразили, что пострадал их брат Говард, да и я тоже так подумал, а это всего лишь какая-то бродяжка… какая-то…

Казалось, ему не суждено было закончить ни одной фразы: Франклин перебил его и спросил, что он намерен делать с девочками. Сюда их, разумеется, привезти нельзя.

— Нет, — ответил отец, но рассеянно, как человек, чьи мысли далеко. — Придётся, видно, отвезти их в какую-нибудь гостиницу.

Ага, мысль! Я вспыхнула, осознав, какая мне открывается возможность, и пришлось немного выждать, чтобы не заговорить со слишком явным рвением.

— Позвольте мне по-соседски приютить молодых леди на ночь, — взмолилась я. — Мой дом рядом, и там тихо.

— Но сколько хлопот это вам доставит, — возразил мистер Франклин.

— Именно то, что мне нужно, чтобы унять волнение, — ответила я. — Я буду рада предоставить им комнаты на ночь. Если они будут так же рады их принять…

— Будут! — объявил старый джентльмен. — Не могу же я на ночь глядя таскаться с ними и искать комнаты. Мисс Баттерворт очень любезна. Ступай найди девочек, Франклин, дай мне хотя бы о них не думать.

Молодой человек поклонился. Я поклонилась и уже выскальзывала наконец со своего места у лестницы, как в третий раз почувствовала, что меня дёргают за платье.

— Вы что, так и будете стоять на своём? — шепнул мне на ухо голос. — Ну, про молодого человека с женщиной, что ночью приехали.

— Стоять на своём! — шепнула я в ответ, узнав поломойку, которая подобралась ко мне бочком откуда-то из полумрака. — Да ведь это правда. Почему бы мне на нём не стоять?

Смешок, трудноописуемый, но полный значения, сотряс руку женщины, прижавшейся ко мне.

— Ох, и молодчина же вы, — сказала она. — Не знала, что такие хорошие бывают!

И, хихикнув ещё раз — с довольством и каким-то странным восхищением, которого я, разумеется, ничем не заслужила, — она снова ускользнула в темноту.

Определённо, в отношении этой женщины к делу было нечто, заслуживающее внимания.

Глава V. «Эту женщину я не знаю»

Гостя можно накормить досыта, а можно накормить со вкусом. Второе дешевле и поучительнее.
— Из правил мисс Баттерворт

Сестёр Ван Бёрнам я встретила ровно с той долей радушия, какая требовалась, чтобы показать: приглашая их к себе, я не руководствовалась никакими недостойными побуждениями.

Я отвела им гостевую спальню, но пригласила посидеть в моей передней комнате, пока на улице происходит что-нибудь интересное. Я знала, что им захочется смотреть в окно, а в этой комнате есть эркер с двумя окнами, так что места хватало всем. Со своего кресла я время от времени слышала, о чём они говорят, и считала это вполне справедливым. Ведь если молодая женщина, так безвременно окончившая жизнь, была как-то с ними связана, лучше, чтобы это не осталось тайной. К тому же одна из них, а именно Изабелла, ужасная болтушка.

Мистер Ван Бёрнам с сыном вернулись в соседний дом, и, насколько можно было судить с нашего наблюдательного пункта, там готовились увезти тело. Толпа внизу, которую полицейские разгоняли в одном месте лишь затем, чтобы она собралась в другом, колыхалась и роптала в постоянном ожидании, которое так же постоянно обманывалось. И тут я услышала, как Кэролайн произнесла несколько отрывистых фраз.

— Говарда не могут найти, иначе он давно был бы здесь. Ты видела её тогда, когда мы выходили от Кларка? Фанни Престон видела и сказала, что она хорошенькая.

— Нет, я её толком не разглядела… — Крик с улицы.

— Не могу поверить, — таковы были следующие слова, которые я расслышала, — но Франклин ужасно боится…

— Тише! Людоедка…

Я уверена, что она сказала «людоедка». Людоедка! Я, которая за всю жизнь не съела никого крупнее перепёлки. Но продолжение потонуло в новом гуле, и больше я ничего не уловила, пока дрожащая, взвинченная Кэролайн не произнесла:

— Если это она, папа никогда уже не будет прежним. Чтобы она умерла в нашем доме! О, вон Говард!

Восклицание прозвучало быстро и резко, за ним последовали двойной вскрик и тревожный шорох: обе девушки вскочили, стараясь привлечь внимание брата или, быть может, подать ему какой-то знак.

Но я не обращала на них особого внимания. Я не сводила глаз с кареты, в которой приехал Говард: из-за стоявшей впереди санитарной кареты она остановилась на другой стороне улицы. Мне хотелось посмотреть, как он выйдет, чтобы понять, напоминает ли его фигура того мужчину, который прошлой ночью пересёк тротуар.

Но он не вышел. Только он взялся за дверцу, как на соседнем крыльце появилось полдюжины мужчин с ношей, которую они поспешно поместили в санитарную карету. Увидев это, он откинулся назад, а когда лицо его снова показалось в окне, оно было таким белым, что казалось единственным лицом на улице, хотя полсотни человек стояли вокруг и глазели на дом, на санитарную карету и на него.

Франклин Ван Бёрнам, очевидно, вышел к двери вместе с остальными: едва Говард во второй раз показал лицо, мы увидели, как Франклин сбежал с крыльца и тщетно пытается пробиться сквозь толпу к брату. Мистеру Грайсу это удалось лучше. Он без труда перебрался через улицу, и вскоре я увидела, что он стоит у кареты и обменивается несколькими словами с её пассажиром. Минуту спустя он отступил, сказал что-то кучеру, вскочил в карету к Говарду,

и их быстро увезли. Санитарная карета двинулась следом, а за ней часть толпы. Как только удалось достать извозчика, той же дорогой отправились мистер Ван Бёрнам с сыном.

Мы, три женщины, остались в неизвестности, которая для одной из нас кончилась нервным припадком, весьма похожим на сердечную слабость. Я имею в виду, разумеется, Кэролайн, и нам с Изабеллой пришлось добрых полчаса приводить её в чувство. Когда с этим было покончено, Изабелла сочла своим долгом впасть в истерику. Поскольку это было лишь бледное подражание состоянию сестры, я встретила её со всей строгостью и вылечила хмурым взглядом. Хмурый взгляд — лекарство, которое я прописываю при любой истерике. Действует безотказно и обходится дешевле нюхательной соли.

Когда обе снова пришли в порядок, я позволила себе одно замечание.

— Можно подумать, — сказала я, — что вы знали молодую женщину, ставшую жертвой собственного безрассудства в соседнем доме.

На это Изабелла яростно замотала головой, а Кэролайн заметила:

— Это всё волнение, я его не вынесла. Я никогда не была крепкой, а тут такая ужасная встреча дома. Когда вернутся папа и Франклин? Очень жестоко было с их стороны уехать, не сказав нам ни слова утешения.

— Они, вероятно, не сочли судьбу этой неизвестной женщины хоть сколько-нибудь важной для вас.

Барышни Ван Бёрнам были непохожи ни наружностью, ни нравом, но при этих словах смутились одинаково: потупили глаза и повели себя так странно, что мне поневоле стало интересно — без всякой истерики, рада сказать, — чем кончится это дело и насколько я окажусь в него втянута, прежде чем правда выйдет наружу.

За обедом они блеснули лучшими своими светскими манерами. Видя это, я пустила в ход свои. Мои скроены по иному образцу, но производят, полагаю, не менее сильное впечатление.

В результате трапеза вышла в высшей степени церемонной. На столе был мой лучший фарфор, но к обычному своему меню я ничего не прибавила. Напротив, я кое-что убавила: исключила антре, которым особенно гордится моя кухарка. Неужто я позволила бы этим гордым барышням думать, будто я из кожи вон лезу, чтобы им угодить? Нет уж, пусть лучше считают меня скрягой и врагом хорошего стола. Так что антре было, как выражаются французы, упразднено. Бедное блюдо пало жертвой высокой политики. Кухарка не разговаривала со мной до четверга.

Вечером зашёл их отец. Он был очень удручён, и от его прежней заносчивости не осталось и половины. В руке он сжимал скомканную телеграмму и говорил очень быстро. Но ни одного своего секрета он мне не доверил, и мне пришлось пожелать барышням спокойной ночи, зная о занимавшем нас деле немногим больше, чем когда я днём покидала их дом.

Но другие были не так несведущи, как я. В тот вечер в конторе гробовщика, куда отвезли тело неизвестной, разыгралась драматическая и в высшей степени волнующая сцена. Мне не раз подробно её описывали, и я постараюсь изложить её здесь со всей беспристрастностью постороннего человека. А беспристрастность, как известно, моя сильнейшая сторона.

Садясь в карету к Говарду, мистер Грайс отметил, во-первых, что молодой человек напуган, а во-вторых, что он не пытается этого скрыть. От сыщика он почти ничего не услышал. Он знал, что его ищут с полудня и что ему предстоит опознать молодую женщину, найденную мёртвой в доме его отца, но сверх этого ему почти ничего не сказали. И всё же он, казалось, не испытывал никакого любопытства и не решался выразить удивление. Он просто покорился обстоятельствам и тревожился, не выказывая желания говорить, до самого конца пути. Тут он вдруг собрался с духом и рискнул задать вопрос:

— Как она… молодая женщина, как вы её называете… как она себя убила?

Сыщик, за долгую жизнь среди преступников и подозреваемых повидавший многих людей и многие обстоятельства, встрепенулся при этом вопросе с прежним азартом. Не пово-

рачиваясь к собеседнику, а, напротив, отвернувшись, он слегка пожал плечами и спокойно ответил:

— Её нашли под тяжёлым предметом мебели, горкой с вазами, которая, как вы, должно быть, помните, стояла слева от камина. Горка раздавила ей голову и грудь. Довольно примечательный способ умереть, не находите? За всю мою долгую практику был только один подобный случай.

— Я не верю тому, что вы говорите, — ответил молодой человек, к немалому удивлению сыщика. — Вы пытаетесь меня напугать или смеётесь надо мной. Ни одна дама не прибегла бы к такому способу умереть.

— Я не говорил, что она дама, — возразил мистер Грайс, мысленно записав очко против неосторожного спутника.

Молодой человек сидел вплотную к сыщику, и тот почувствовал, как его спутник вздрогнул.

— Нет, — пробормотал Говард, — но из ваших слов я понял, что она не простая женщина. Иначе зачем, — вдруг вспылил он, — вам понадобилось везти меня на неё смотреть? Разве обо мне говорят, что я вожу знакомство с особами, которые не дамы?

— Прошу прощения, — сказал мистер Грайс, с мрачным удовольствием предвкушая одно из тех запутанных дел, которыми бессознательно упиваются умы, подобные его уму. — Я ни на что не намекал. Мы попросили вас, как попросили вашего отца и брата, проехать с нами к гробовщику, потому что опознание тела — дело чрезвычайно важное и следует соблюсти все формальности, которые могут его обеспечить.

— А они… отец и брат… разве они её не узнали?

— Узнать её было бы трудно всякому, кто не был с ней хорошо знаком.

По лицу Говарда Ван Бёрнама скользнуло выражение ужаса, которое, если только было частью игры, выдавало в нём гениального актёра. Голова его откинулась на подушки кареты, и на миг он закрыл глаза. Когда он их открыл, карета уже остановилась, а мистер Грайс, который, разумеется, ничего не заметил, смотрел в окно, взявшись за ручку дверцы.

— Мы уже приехали? — спросил молодой человек, передёрнувшись. — Лучше бы вы не считали нужным показывать её мне. Я знаю, что ничего знакомого в ней не увижу.

Мистер Грайс поклонился, повторил, что это простая формальность, и последовал за молодым джентльменом в здание, а потом в комнату, где лежало тело. Там были двое врачей и один-два чиновника, и в их лицах молодой человек искал хоть какой-нибудь поддержки, прежде чем посмотреть туда, куда указывал сыщик. Но поддержки в этих лицах было мало. Он резко отвернулся, мужественно пересёк комнату и встал рядом с сыщиком.

— Я уверен, — начал он, — что это не моя жена…

В эту минуту покрывало сняли, и он вздрогнул от облегчения.

— Я так и говорил, — холодно заметил он. — Эту женщину я не знаю.

Его вздоху двойным эхом ответили от двери. Обернувшись, он встретился взглядом с отцом и старшим братом и направился к ним таким повеселевшим, что казался совсем другим человеком.

— Я своё сказал, — заметил он. — Мне подождать снаружи, пока вы скажете своё?

— Мы уже сказали всё, что должны были, — ответил Франклин. — Мы заявили, что эту особу не узнаём.

— Конечно, конечно, — согласился тот. — Не понимаю, с чего они взяли, что мы должны её знать. Какая-нибудь заурядная самоубийца, думала, что дом пуст… Но как она попала внутрь?

— Разве вы не знаете? — сказал мистер Грайс. — Неужто я забыл вам сказать? Её впустил ночью молодой человек среднего роста, — его взгляд скользнул вверх и вниз по стройной

фигуре элегантного молодого джентльмена, — который оставил её внутри и ушёл. Молодой человек, у которого был ключ…

— *Ключ?* Франклин, я…

Не взгляд ли Франклина заставил его замолчать? Возможно: дойдя до этого места, он повернулся на каблуках и, вскинув голову, воскликнул с беспечным видом:

— Впрочем, это неважно! Девушка нам незнакома, мы, полагаю, исполнили всё, чего требует закон, заявив об этом, и можем теперь забыть об этом деле. Ты едешь в клуб, Франклин?

— Да, но…

Тут старший брат подошёл ближе и что-то шепнул ему на ухо. Услышав это, младший снова повернулся к тому месту, где лежала мёртвая. Видя это движение, встревоженный отец вытер пот со лба. Сайлас Ван Бёрнам до сих пор молчал и, казалось, намеревался молчать и дальше, но с мучительным вниманием следил за младшим сыном.

— Вздор! — сорвалось с губ Говарда, когда брат договорил. Но он всё же шагнул ближе к телу, потом ещё и ещё, пока снова не оказался рядом.

Руки, как мы уже говорили, не пострадали, и на них-то и упал теперь его взгляд.

— Они похожи на её руки! Боже мой, они похожи на её руки! — пробормотал он, сразу помрачнев. — Но где кольца? На этих пальцах нет колец, а она носила пять, включая обручальное.

— Вы говорите о своей жене? — осведомился мистер Грайс, незаметно придвинувшийся к нему вплотную.

Молодой человек был застигнут врасплох.

Он густо покраснел, но ответил смело и с видом величайшей откровенности:

— Да. Моя жена вчера уехала из Хаддама в Нью-Йорк, и с тех пор я её не видел. Естественно, у меня были кое-какие опасения, не она ли эта несчастная жертва. Но я не узнаю одежды, не узнаю фигуры — знакомы мне только руки.

— А волосы?

— Того же цвета, что у неё, но это очень обычный цвет. По тому, что я вижу, я не решусь сказать, что это моя жена.

— Мы позовём вас снова, когда доктор закончит вскрытие, — сказал мистер Грайс. — Быть может, к тому времени вы получите известие от миссис Ван Бёрнам.

Но это замечание, казалось, не принесло ему утешения. Говард отошёл, бледный, с больным видом — для этого, безусловно, были причины, — и, вернувшись к отцу, попытался сгладить неловкость с апломбом светского человека.

Но отец слишком пристально на него смотрел. Садясь, Говард запнулся и наконец заговорил с лихорадочной энергией:

— Если это она, то, клянусь Богом, её смерть для меня загадка! Мы не раз ссорились в последнее время, и я порой терял с ней терпение, но у неё не было причин желать себе смерти. И я готов поклясться — вопреки этим рукам, которые и правда похожи на её руки, и тому неуловимому, что Франклин называет сходством, — что там лежит незнакомка и что её смерть в нашем доме — простое совпадение.

— Ну-ну, подождём, — успокоительно ответил сыщик. — Посидите пока в комнате напротив и скажите, что подать вам на ужин, а я позабочусь, чтобы вас хорошо накормили.

Трое джентльменов, не видя способа отказаться, последовали за учтивым служителем. А дверь комнаты, где работал доктор, закрылась за мистером Грайсом и за вопросами, которые он собирался там задать.

Глава VI. Новые факты

Мужчина, который ничего не желает знать, обыкновенно знает больше всех.

— Из правил мисс Баттерворт

Мистер Ван Бёрнам с сыновьями отбыли формальность ужина и разговаривали урывками, как говорят люди, поглощённые предметом, который они не смеют обсуждать, когда дверь отворилась и вошёл мистер Грайс.

Очень спокойно подойдя, он обратился к отцу:

— С сожалением вынужден сообщить вам, что дело это куда серьёзнее, чем мы предполагали. Молодая женщина была мертва ещё до того, как на неё упали полки с безделушками. Это убийство, и совершенно очевидное, иначе я не позволил бы себе опережать вердикт присяжных.

Убийство! Это слово способно поколебать самое стойкое сердце!

Старый джентльмен привстал и пошатнулся, а его сын Франклин по-своему выказал почти такое же волнение. Но Говард пожал плечами, словно с него свалилась огромная тяжесть, огляделся с весёлым видом и бодро воскликнул:

— Значит, у вас там не тело моей жены. Никто не стал бы убивать Луизу. Я пойду и докажу правоту своих слов — сейчас же разыщу её.

Сыщик открыл дверь и поманил доктора, и тот шепнул Говарду на ухо несколько слов.

Они не вызвали того волнения, которого, видимо, ожидал сыщик. Говард удивился, но ответил, ничуть не изменив голоса:

— Да, у Луизы был такой шрам. И если у этой женщины есть похожая отметина, то это простое совпадение. Ничто не убедит меня, что моя жена стала жертвой убийства.

— Не лучше ли вам взглянуть на этот шрам?

— Нет. Я настолько уверен в своих словах, что не стану даже допускать возможности ошибки. Я осмотрел одежду на теле, которое вы мне показали: ни одна вещь не из гардероба моей жены. И моя жена ни за что не пошла бы ночью в тёмный дом ни с кем, кроме мужа, — а эта женщина, по вашим словам, пошла.

— Итак, вы решительно отказываетесь её признать.

— Решительно.

Сыщик помолчал, взглянул на встревоженные лица двух других джентльменов — лица, которые при этих заявлениях почти не изменились, — и многозначительно заметил:

— Вы не спросили, каким способом её убили.

— И мне всё равно! — выкрикнул Говард.

— Способ весьма необычный — даже для меня новый.

— Меня это не интересует, — отрезал тот.

Мистер Грайс повернулся к его отцу и брату.

— А *вас*? — спросил он.

Старый джентльмен, обычно такой раздражительный и властный, молча кивнул, а Франклин воскликнул:

— Говорите же скорее. Вы, сыщики, вечно мнётесь, когда доходит до неприятного. Её задушили? Зарезали?

— Я сказал, что способ необычный. Её закололи, но не… ножом.

Теперь я знаю мистера Грайса достаточно хорошо — пожалуй, даже слишком хорошо, — чтобы быть уверенной: произнося это, он не взглянул на Говарда и в то же время не упустил

ни дрожи мускула, ни взмаха ресниц. Но напускное хладнокровие Говарда осталось непоколебимым, а лицо невозмутимым.

— Рана была так мала, — продолжал сыщик, — что просто чудо, что её не проглядели. Её нанесли каким-то очень тонким орудием, проткнув…

— Сердце? — вставил Франклин.

— Разумеется, разумеется, — согласился сыщик. — Какое ещё место настолько уязвимо, чтобы вызвать смерть?

— Есть ли причина, по которой нам нельзя уйти? — осведомился Говард. Живейшего интереса, выказанного двумя другими, он словно не замечал, и в этой решимости сказывалось большое упрямство.

Сыщик, в свою очередь, не замечал *его*.

— Быстрый удар, верный удар, смертельный удар. Девушка больше не вздохнула.

— Но как же то, под чем её нашли?

— А! В этом-то и загадка! Нападавший был столь же хитёр, сколь и точен.

И всё же Говард не выказал интереса.

— Я хочу телеграфировать в Хаддам, — объявил он, поскольку на последнее замечание никто не ответил. В Хаддаме они с женой проводили лето.

— Мы уже телеграфировали туда, — заметил мистер Грайс. — Ваша жена ещё не вернулась.

— Есть и другие места, — упрямо настаивал тот. — Я найду её, если вы дадите мне такую возможность.

Мистер Грайс поклонился.

— Тогда я распоряжусь перевезти тело в морг.

Этого Говард не ожидал, и на миг стало видно, что чувства у него есть, как у любого из нас. Но он быстро овладел собой и, избегая тревожных взглядов отца и брата, ответил с оскорбительной лёгкостью:

— Меня это не касается. Поступайте как сочтёте нужным.

Мистер Грайс почувствовал, что получил отпор, и не знал, восхищаться ли молодым человеком за выдержку или проклинать его за жестокость. В том, что женщина, которую тот так небрежно отдал на позорное обозрение публики, была его женой, сыщик не сомневался.

Глава VII. Мистер Грайс открывает мисс Амелию

Если мужчина говорит тебе комплимент, проверь, не смотрит ли он при этом на бронзовую фигурку.
— Из правил мисс Баттерворт

Вернусь к собственным наблюдениям. В десять часов той памятной ночи я знала о том, что мне хотелось знать, почти так же мало, как в пять, но оставаться в неведении не собиралась. Когда обе барышни Ван Бёрнам удалились к себе, я выскользнула из дома, направилась к соседнему и смело позвонила. Несколькими минутами раньше я видела, как туда вошёл мистер Грайс, и твёрдо решила с ним поговорить.

Лампа в холле горела, и, когда он открыл дверь, мы могли разглядеть лица друг друга. Моё, быть может, было достойно изучения, но его — уж точно. Он никак не ожидал встретить пожилую даму в такой поздний час.

— Однако! — сухо воскликнул он. — Чувствую, какая мне оказана честь, мисс Баттерворт.

Но войти не пригласил.

— Я иного и не ожидала, — сказала я. — Я видела, как вы вошли, и последовала за вами, как только смогла. Мне нужно кое-что вам сказать.

Тогда он впустил меня и тщательно закрыл дверь. Почувствовав себя вправе быть самой собой, я откинула вуаль, завязанную под подбородком, и встретила его в том, что я называю истинным расположением духа.

— Мистер Грайс, — начала я, — давайте обменяемся любезностями. Скажите мне, что вы сделали с Говардом Ван Бёрнамом, а я скажу вам, что заметила сегодня днём во время расследования.

Этот пожилой сыщик привык к женщинам, не сомневаюсь, но к *мне* он не привык. Я поняла это по тому, как он вертел в руках очки. Я постаралась ему помочь.

— Сегодня я заметила кое-что, что, по-моему, ускользнуло от *вас*. Это столь ничтожная ниточка, что большинство женщин о ней и не упомянули бы. Но, поскольку дело меня занимает, я о ней скажу, если взамен вы сообщите мне то, что появится в завтрашних газетах.

Похоже, ему это понравилось. Он поглядел сквозь очки, а потом на них, с улыбкой первооткрывателя.

— Ваш покорнейший слуга, — объявил он. И я почувствовала, что дочь моего отца впервые удостоилась признания.

Но откровенностями он меня не засыпал. О нет, он очень хитёр, этот старый, видавший виды сыщик: с видом величайшей словоохотливости он на деле расстался с весьма немногим. Однако сказал достаточно, чтобы я поняла: для Говарда дело выглядит мрачно. А если так, то, должно быть, уже стало ясно, что смерть, которую они расследуют, не была ни несчастным случаем, ни самоубийством.

Я намекнула на это, и он — несомненно, в собственных целях — признал наконец, что на теле молодой женщины обнаружена рана, которую она не могла нанести себе сама. Это так подогрело мой интерес к замечательному убийству, что я, должно быть, выказала его довольно глупо: осторожный старик хмыкнул и весьма нежно поглядел на свои очки, прежде чем сложить их и спрятать в карман. Очки, как видно, занимали в его привязанностях второе место после бронзовой фигурки. Я начинала понимать, что с людьми мистер Грайс разговаривает лишь в крайнем случае.

— А теперь что вы имеете сказать мне? — осведомился он, неслышно встав между мною и дверью гостиной.

— Только вот что. Допросите хорошенько эту странную поломойку. Ей есть что рассказать, и знать это — ваша обязанность.

Думаю, он был разочарован. Вид у него был такой, словно он жалеет о спрятанных очках, а когда он заговорил, в голосе его появилась резкость, которой я прежде не замечала.

— Вы знаете, что именно? — спросил он.

— Нет, иначе я рассказала бы сама.

— А почему вы думаете, что она что-то от нас скрывает?

— По её поведению. Разве вы не заметили, как она себя вела?

Он пожал плечами.

— Мне это сказало многое, — настаивала я. — Будь я сыщиком, я выведала бы у этой женщины её секрет, чего бы мне это ни стоило.

Он рассмеялся. Этот хитрый, старый, почти дряхлый человек расхохотался. Потом сурово посмотрел на своего старого друга на столбике перил и, выпрямившись не без достоинства, произнёс:

— Мне очень посчастливилось свести с вами знакомство, мисс Баттерворт. Вы и я — мы должны бы суметь раскрыть это дело к удовлетворению всех сторон.

Он сказал это с насмешкой, но я приняла это совершенно всерьёз — то есть по видимости. Я не менее хитра, чем он, и хотя не вполне так стара — вот теперь насмешничаю *я*, — обладаю кое-какой долей его ума, если и не его опыта.

— Тогда за дело, — сказала я. — У вас свои версии этого убийства, у меня свои. Посмотрим, как они согласуются.

Не будь фигурка, на которую он смотрел, отлита из бронзы, я уверена, она окаменела бы от взгляда, который он на неё бросил. То, что мне казалось естественным предложением энергичной женщины с особым талантом к его ремеслу, ему, очевидно, показалось дерзостью грубейшего рода. Но своё изумление он излил на одну лишь фигурку, а мне ответил вполне по-джентльменски:

— Весьма вам обязан, мадам, и, быть может, позднее я соглашусь рассмотреть ваше весьма любезное предложение. Но сейчас я занят, очень занят, и если вы подождёте меня у себя дома полчаса…

— Почему бы мне не подождать здесь? — перебила я. — Обстановка этого места может обострить мои способности. Я уже чувствую, что ещё один внимательный взгляд в эту гостиную привёл бы к какой-нибудь ценной версии.

— Вы…

Он так и не сказал, кто я, вернее, кем была фигурка, к которой он обращался. Но, должно быть, собирался произнести комплимент необыкновенный. Судя по выражению его лица, фигурке этот комплимент пришёлся бы не по вкусу.

Чопорный книксен, которым я поблагодарила его за доброе намерение, убедил его, что я прекрасно его поняла. Сменив манеру на более деловую, он подумал минуту и заметил:

— Сегодня днём вы пришли к одному выводу, мисс Баттерворт, и я хотел бы получить объяснение. Осматривая шляпку, которую вытащили из-под тела убитой девушки, вы заметили, что её надевали всего однажды. Я уже пришёл к тому же заключению, но, без сомнения, иным путём. Не скажете ли, что придало вашему утверждению такую уверенность?

— В ней был всего один прокол от шляпной булавки, — ответила я. — Если вы имеете привычку заглядывать в шляпки молодых женщин, вы оцените силу моего замечания.

— Чёрт возьми! — таково было его, безусловно, неуместное восклицание. — Женские глаза — для женских дел! Я вам очень обязан, мэм. Вы разрешили для нас весьма важный вопрос. Шляпная булавка! Хм! — бормотал он про себя. — Дьявола в человеке так просто не остановишь: когда нет других средств, в ход идёт даже такая невинная вещица.

То, что мистер Грайс позволил себе обронить эти слова, быть может, доказывает, что он стареет. Но, раз уж они у него вырвались, он не стал брать их назад, а доверился мне настолько, что пояснил:

— Женщина, убитая в той комнате, погибла от удара тонкой длинной булавки. О шляпной булавке мы не подумали, но раз вы о ней упомянули, я готов признать её орудием убийства. Когда вы смотрели шляпку, булавки в ней не было?

— Не было. Я осмотрела её очень внимательно.

Он покачал головой и, казалось, задумался. Поскольку времени у меня было сколько угодно, я ждала, пока он заговорит снова. Моё терпение, похоже, произвело на него впечатление. Попеременно поднимая и опуская руки, словно что-то взвешивая, он вскоре снова обратился ко мне, на этот раз шутливым тоном:

— Эта булавка — если это булавка — найдена в ране обломанной. Мы ищем конец, оставшийся в руке убийцы, и не находим. Его нет ни на полу гостиных, ни в холле. Как вы думаете, что сделал бы с ним изобретательный владелец подобного орудия?

Сказано это было, теперь я уверена, из насмешки. Он забавлялся на мой счёт, но тогда я этого не поняла. Я была слишком поглощена своим предметом.

— Далеко он бы её не унёс, — коротко рассудила я. — Выйдя на улицу, он её не выбросил: я так пристально следила за ним, что заметила бы. Значит, она в доме, и, надо думать, в гостиной, даже если на полу вы её не нашли.

— Не хотите ли поискать? — внушительно спросил он. Тогда я ещё не могла знать, что, когда он внушителен, он менее всего откровенен и надёжен.

— Хочу ли я! — повторила я. И поскольку я сухощава и куда проворнее, чем можно предположить по моим годам и степенной осанке, я нырнула у него под рукой и очутилась в гостиной мистера Ван Бёрнама прежде, чем он опомнился от удивления.

Не подумайте, что такой человек, как он, может выглядеть глупо. Но вид у него был не слишком довольный, и я успела не раз оглядеться, прежде чем к нему вернулся дар речи.

— Нечестное преимущество, мэм, нечестное преимущество! Я стар и мучаюсь ревматизмом, а вы молоды и крепки, как орешек. Признаю свою глупость: не стоило и пытаться с вами тягаться, придётся мириться с положением. Ну-с, мадам, где же булавка?

«Молода»! Мне пятьдесят с лишним. Это был первый комплимент мистера Грайса, который я приняла без возражений.

Сказано это было легко, но я всё же поняла, что настала моя минута. Если я найду это орудие убийства, чего только не могу я ожидать от его благодарности! Собравшись с духом, я оглядывала комнату то там, то здесь, примечая каждый предмет, прежде чем сделать шаг. Беспорядок здесь пытались кое-как устранить. Осколки фарфора подняли и аккуратно разложили на газетах на тех самых полках, с которых они упали. Горка стояла прямо, на своём месте, а часы, упавшие циферблатом вверх, положили на каминную полку в том же положении. Ковёр, стало быть, был свободен, если не считать пятен, столь горестно повествовавших о трагедии и преступлении.

— Вы отодвигали столы и искали за диванами, — заметила я.

— Ни дюйма пола не ускользнуло от нашего внимания, мадам.

Взгляд мой упал на решётку отдушины, наполовину прикрытую моими юбками. Она была закрыта. Я нагнулась и открыла её. Внизу виднелся квадратный жестяной ящик, и на дне его я разглядела круглую головку сломанной шляпной булавки.

Никогда в жизни я не испытывала того, что в ту минуту. Выпрямившись, я указала на решётку и позволила себе выказать торжество — но лишь отчасти. Я отнюдь не была уверена тогда и не уверена теперь, что он не сделал этого открытия раньше меня и не проверял просто мои притязания.

Как бы то ни было, он быстро подошёл и, не без труда, извлёк сломанную булавку и с любопытством её осмотрел.

— Сдаётся мне, это то, что нам нужно, — объявил он и с этой минуты выказывал мне подобающее почтение.

— Я объясняю её присутствие там так, — рассуждала я. — В комнате было темно. Зажигал ли он свет, чтобы совершить преступление, или нет, но если и зажигал, то ненадолго. Выходя, он задел ногой железную решётку, и его осенило. Он не решался оставить головку булавки на полу, потому что надеялся скрыть своё преступление, опрокинув на жертву тяжёлую горку. Не хотел он и уносить с собой такое напоминание о своём жестоком деле. Поэтому он бросил её в отдушину, рассчитывая, без сомнения, что она провалится в трубы калорифера и скроется из виду. Но жестяной ящик её задержал. Разве это не правдоподобно, сэр?

— Я и сам не рассудил бы лучше, мадам. Мы ещё возьмём вас в полицию.

Но от такой фамильярности я сердито выпрямилась.

— Я мисс Баттерворт, — резко ответила я, — и если я принимаю какое-то участие в этом деле, то лишь из чувства справедливости.

В полицию! Мой отец, узнай он об этом, перевернулся бы в гробу. Хотя, подозреваю, от чистого самодовольства: ведь это он предсказал, что Араминта ещё себя покажет.

Видя, что обидел меня, проницательный сыщик вернул разговор к делу.

— Кстати, — сказал он, — ваши женские познания могут выручить меня ещё в одном пункте. Если вы не боитесь остаться в этой комнате одна на минутку, я принесу одну вещь, о которой хотел бы узнать ваше мнение.

Я заверила его, что ни капельки не боюсь, и он, отвесив мне ещё один из своих неопределённых поклонов, прошёл во вторую гостиную. Там он не задержался. Раздвинув двери, соединявшие её со столовой, он скрылся в последней и задвинул их за собой.

Оставшись на минуту одна на месте преступления, я подошла к каминной полке и подняла лежавшие на ней часы.

Зачем я это сделала, я и сама толком не знаю. Я от природы очень аккуратна (некоторые называют меня педантичной), и, вероятно, меня раздражало, что столь ценная вещь лежит не так, как ей положено. Как бы то ни было, я подняла их и поставила прямо — и, к моему изумлению, они пошли.

Если бы стрелки не стояли так же, как тогда, когда я впервые увидела часы лежащими циферблатом вверх на полу рядом с мёртвой девушкой, я подумала бы, что их с тех пор завёл мистер Грайс или ещё какой-нибудь не в меру усердный чиновник. Но стрелки, как и тогда, показывали без нескольких минут пять, и я могла прийти лишь к одному выводу: часы были на ходу, когда упали. Факт поразительный — для дома, в котором месяцами никто не жил.

Но если они шли и остановились лишь от падения на пол, почему стрелки показывают пять, а не двенадцать — час, когда, как полагали, случилось несчастье? Тут было над чем подумать, и, чтобы подумать без помех, я поспешила снова положить часы. Я даже приняла меру предосторожности: вернула стрелки в точности в то положение, в каком они были до того, как я пустила механизм. Если мистер Грайс не знал их секрета — что ж, тем хуже для мистера Грайса.

Скажете, нечестно? Но уговор об обмене любезностями он соблюдал весьма избирательно. Я тоже умею быть избирательной.

Я уже стояла на прежнем месте у отдушины, когда складные двери снова раздвинулись. Я чувствовала, что щёки у меня слегка порозовели, поэтому вынула из кармана тот самый злополучный счёт от бакалейщика и усердно водила глазами по длинному столбцу цифр, когда вновь появился мистер Грайс.

К моему удивлению, в руке у него была дамская шляпка.

«Однако! — подумала я. — Что бы это значило?»

Это был изящный образчик шляпного искусства по последней моде: ленты, цветы, птичьи крылья. Когда ловкая рука мистера Грайса поворачивала её так и этак, иные назвали бы её прелестной, а мне она казалась попросту нелепой и смешной.

— Это шляпка прошлой весны? — спросил он.

— Не знаю, но я бы сказала, что она только что от модистки.

— Я нашёл её вместе с парой перчаток, засунутых внутрь, на пустой полке в шкафу при столовой. Мне показалось, что для брошенной шляпки кого-нибудь из барышень Ван Бёрнам она слишком нова. Как вы думаете?

— Дайте-ка её мне, — сказала я.

— О, её носили, — улыбнулся он, — не раз. И булавка в ней тоже есть.

— Мне нужно посмотреть кое-что другое.

Он протянул её мне.

— Думаю, она принадлежит одной из них, — объявила я. — Её сделала Ла Моль с Пятой авеню, а цены у неё попросту… греховные.

— Но барышни уехали — дайте сообразить — пять месяцев назад. Могла ли шляпка быть куплена до того?

— Возможно: она привозная. Но почему её бросили так небрежно? Она стоит двадцать долларов, если не тридцать, и если хозяйка почему-то решила её не брать, почему не убрала как следует? Терпения нет на нынешних девиц: сплошное безрассудство и расточительность.

Двадцать долларов за шляпку! За двадцать долларов я покрываю голову три года, и голова моя ни разу не жаловалась.

— Я слышал, барышни гостят у вас, — многозначительно заметил он.

— Гостят.

— Тогда вы можете кое-что разузнать об этой шляпке. И о перчатках — это обычная пара для улицы.

— Какого цвета?

— Серые, совсем свежие, шестой размер.

— Хорошо, я спрошу барышень.

— Эта третья комната служит столовой, а шкаф, где я их нашёл, — тот, где хранят стекло. Как туда попала шляпка — загадка, но барышни Ван Бёрнам, полагаю, смогут её объяснить. Во всяком случае, крайне маловероятно, что она имеет какое-то отношение к совершённому здесь преступлению.

— Крайне, — согласилась я.

— Настолько маловероятно, — продолжал он, — что, поразмыслив, я советую вам не тревожить барышень расспросами о ней, пока не появятся для этого новые причины.

— Хорошо, — ответила я. Но это «поразмыслив» меня не обмануло.

Поскольку он весьма красноречиво держал передо мной открытой дверь гостиной, я завязала вуаль под подбородком и собралась уходить, но он меня остановил.

— У меня к вам ещё одна просьба, — сказал он, на этот раз с самой благодушной улыбкой. — Мисс Баттерворт, не откажетесь ли вы несколько ночей посидеть до двенадцати?

— Отнюдь нет, — ответила я, — если на то есть веская причина.

— Сегодня в двенадцать часов ночи в этот дом войдёт джентльмен. Если вы понаблюдаете за ним из окна, я буду вам обязан.

— Чтобы понять, тот ли это, кого я видела прошлой ночью? Разумеется, я посмотрю, но…

— Завтра ночью, — невозмутимо продолжал он, — опыт повторится, и я хотел бы, чтобы вы снова посмотрели. Без предубеждения, мадам, помните: без предубеждения.

— У меня нет предубеждений… — начала я.

— Опыт может занять и больше двух ночей, — продолжал он, не обращая ни малейшего внимания на мои слова. — Так что не торопитесь указать на своего человека, как выражаются в простонародье. А теперь спокойной ночи — завтра увидимся.

— Постойте! — властно окликнула я его, потому что он уже закрывал дверь. — Я видела этого человека очень смутно, у меня лишь впечатление. Я не хотела бы, чтобы человека повесили из-за моего опознания.

— Никого не вешают по одному опознанию. Нам придётся доказать преступление, мадам, но опознание важно — даже такое, какое можете сделать вы.

Больше говорить было не о чем. Я спокойно пожелала ему спокойной ночи и поспешила прочь. Разумно распорядившись представившимися возможностями, я стала куда осведомлённее в главном вопросе, чем когда входила в этот дом.

Было половина двенадцатого, когда я вернулась домой, — поздний час для одинокой дамы, входящей в свою почтенную парадную дверь. Но обстоятельства оправдывали мою эскападу, и я поднялась к себе с совершенно спокойной совестью и бодрым чувством исполненного долга, чтобы досидеть оставшиеся до полуночи полчаса.

Наедине с собой я человек уютный, и мне не составило труда провести это время с пользой. Будучи, как вы, должно быть, заметили, очень аккуратной, я держу под рукой всё, чтобы приготовить себе чашку чая в любое время дня и ночи. Почувствовав потребность подкрепиться, я выдвинула столик, который держу для этой цели, заварила чай и села его пить.

Иные в полночь молятся, иные плачут, иные пишут стихи. Я пью чай. Из всех четырёх занятий только от моего бывает толк.

Попивая чай, я обдумывала занимавший меня предмет и пыталась согласовать то, что поведали часы, с моей прежней версией убийства. Но согласовать было невозможно. Женщину убили в двенадцать, а часы упали в пять. Как их примирить? И раз примирение невозможно, чему уступить: версии или показаниям часов? И то и другое казалось неопровержимым, и всё же одно из двух должно быть ложным. Которое?

Я склонялась к мысли, что дело в часах: что я обманулась в своих выводах и во время преступления они не шли. Мистер Грайс мог распорядиться их завести, а потом положить циферблатом вверх, чтобы стрелки не ушли дальше того места, где стояли, когда обнаружили преступление. Поступок необъяснимый, но возможный. А предположить, что они шли, когда упали полки, значило довести неправдоподобие до крайности. Насколько нам было известно, в доме месяцами не было никого, кто был бы достаточно ловок, чтобы завести столь ценные часы. Кто, в самом деле, вообразил бы, что поломойка возьмётся за дело, требующее такого тонкого обращения?

Нет! Какой-то не в меру усердный чиновник позабавился, пустив механизм, и ниточка, казавшаяся мне такой важной, вероятно, никуда не приведёт.

В этой мысли было нечто унизительное, и я с облегчением услышала приближающийся экипаж как раз тогда, когда часы на моей каминной полке пробили двенадцать. Вскочив с кресла, я погасила свет и бросилась к окну.

Карета подъехала и остановилась у соседнего дома. Я увидела, как из неё вышел джентльмен и быстро пересёк тротуар к соседнему крыльцу. Фигура его была не та, что у мужчины, которого я видела прошлой ночью.

Глава VIII. Сёстры Ван Бёрнам

Хочешь что-то выведать у юной девицы — заговори о шляпках.
Хочешь, чтобы она не догадалась, — жалуйся на свой капор.
— Из правил мисс Баттерворт

Как ни поздно я легла, наутро я поднялась ни свет ни заря — вернее, ровно тогда, когда разносят газеты. «Трибьюн» лежала на крыльце. Я жадно схватила её, жадно прочла. По заголовкам можете судить, что там говорилось об убийстве:

СЕНСАЦИОННАЯ НАХОДКА В ОСОБНЯКЕ ВАН БЁРНАМОВ НА ГРАМЕРСИ-ПАРК.
ТАМ НАЙДЕНА МОЛОДАЯ ДЕВУШКА, МЁРТВАЯ, ПОД ОПРОКИНУТОЙ ГОРКОЙ.
ПРИЗНАКИ ТОГО, ЧТО ЕЁ УБИЛИ ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ОБРУШИЛИ НА НЕЁ ГОРКУ.
НЕКОТОРЫЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ЭТО МИССИС ГОВАРД ВАН БЁРНАМ.
СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ОКУТАННОЕ НЕПРОНИЦАЕМОЙ ТАЙНОЙ.
ЧТО ГОВОРИТ МИСТЕР ВАН БЁРНАМ: ОН НЕ ПРИЗНАЁТ В ПОГИБШЕЙ СВОЮ ЖЕНУ.

Так-так, значит, речь шла о его жене. Этого я не ожидала. Ну и ну! Неудивительно, что у барышень был такой испуганный и встревоженный вид. И я остановилась, чтобы припомнить, что слышала о женитьбе Говарда Ван Бёрнама.

Брак этот был неудачным. Его избранница была достаточно хороша собой, но воспитывалась не в светских правилах, и остальные члены семьи её так и не признали. Отец в особенности после женитьбы сына совершенно с ним порвал и даже грозил расторгнуть товарищество, в котором все они состояли. Хуже того, ходили слухи о разладе между Говардом и его женой. Они не всегда ладили, и мнения расходились насчёт того, кто из них больше виноват. Вот и всё, что я знала об этих двоих.

Дочитав статью, я узнала, что миссис Ван Бёрнам пропала: она уехала из Хаддама в Нью-Йорк на день раньше мужа, и с тех пор о ней ничего не слышно. Говард, однако, был уверен, что огласка, которую газеты придали её исчезновению, немедленно принесёт о ней известия.

В целом статья заставляла серьёзно усомниться в откровенности мистера Ван Бёрнама. Мне говорили, что в некоторых менее разборчивых газетах эти сомнения не только высказывали вслух, но и прямо гадали, не он ли тот человек, которого я видела входящим в дом с молодой девушкой.

Что до моего имени, его растрезвонили весьма неприятным для меня образом. В одной газете — мне об этом сообщила одна добрая приятельница — меня назвали «любопытной мисс Амелией». Как будто не моё любопытство дало полиции единственную ниточку к опознанию преступника! Признаю, эта фраза несколько расходится с первой строкой моих записок. Но газете об этом знать не обязательно.

Только «Нью-Йорк уорлд» отнеслась ко мне с должным уважением. Молодой человек с маленькой головой и глазами-бусинками недаром передо мной оробел. Он упомянул меня как «проницательную мисс Баттерворт, чьи показания, по всей вероятности, будут иметь большое значение в этом весьма интересном деле».

Именно «Уорлд» я и вручила барышням Ван Бёрнам, когда они спустились к завтраку. Газета отдавала должное мне и была не слишком несправедлива к их брату. Они читали её вместе, так глубоко зарывшись в неё головами, что лиц мне было не разглядеть. Но я видела, как дрожит лист. А когда они наконец снова на меня взглянули, я заметила, что светский лоск лёг на них ещё не таким толстым слоем, чтобы скрыть подлинный ужас и сердечную муку.

— Вы читали… вы видели этот ужасный отчёт? — дрожащим голосом спросила Кэролайн, встретившись со мной взглядом.

— Да, и теперь понимаю, почему вы так тревожились вчера. Вы были знакомы со своей невесткой? И как вы думаете, могли её заманить в дом вашего отца таким образом?

Ответила Изабелла.

— Мы её никогда не видели и почти ничего о ней не знаем. Но кто знает, на что способна такая необразованная особа. А что наш добрый брат Говард ходил туда с ней — это ложь, правда, Кэролайн? Низкая и злобная ложь?

— Конечно, конечно, конечно. Вы ведь не думаете, что видели Говарда, дорогая мисс Баттерворт?

Дорогая? Боже правый!

— Я незнакома с вашим братом, — ответила я. — Я видела его всего несколько раз в жизни. Вы знаете, что в последнее время он нечасто бывал у вашего отца.

Они смотрели на меня с тоской, *с такой* тоской.

— Скажите, что это был не Говард, — прошептала Кэролайн, придвигаясь ко мне поближе.

— И мы никогда этого не забудем, — прошептала Изабелла тоном, который, должна сказать, вовсе не был её светским тоном.

— Надеюсь, что смогу это сказать, — коротко ответила я. Коротко — потому что кое-какое предубеждение у меня уже сложилось. — Когда я увижу вашего брата, быть может, мне хватит одного взгляда, чтобы решить, что входил в ваш дом не он.

— Да, о да. Ты слышишь, Изабелла? Мисс Баттерворт ещё спасёт Говарда. Ах вы, милая старушка! Я бы вас почти полюбила!

Мне это пришлось не по душе. Я — милая старушка! Так впору обращаться к торговке маслом, а не к мисс Баттерворт. Моя фамилия хоть и начинается с масла, но к торговле им отношения не имеет. Я отстранилась, и их сантименты на этом кончились.

Надеюсь, их брат Говард не тот преступник, каким его выставляют газеты. Но если он виновен, изысканная фраза барышень Ван Бёрнам — «Мы бы вас почти полюбили» — не помешает мне быть честной в этом деле.

Мистер Грайс зашёл рано, и я была рада сообщить ему, что джентльмен, навестивший его прошлой ночью, не напомнил мне того, другого. Он принял это известие спокойно, и по его манере я заключила, что он более или менее этого ожидал. Но кто может верно судить о манере сыщика, тем более такого хитрого и невозмутимого, как этот? Пожалуй, никто — включая, подозреваю, его самого.

Мне очень хотелось спросить, кто был его посетитель, но я не посмела. Вернее, если уж быть откровенной в мелочах, чтобы вы поверили мне в крупном: я была уверена, что он мне не скажет, и не стала ронять своё достоинство бесполезным вопросом.

Он пробыл пять минут и ушёл, и я уже собралась заняться хозяйством, когда пришёл Франклин.

Сёстры подскочили ему навстречу, как марионетки.

— О, — вскричали они, в кои-то веки думая и говоря одинаково, — вы её нашли?

Молчание его было столь красноречиво, что ему не понадобилось качать головой.

— Но найдёте до конца дня? — возразила Кэролайн.

— Ещё слишком рано, — прибавила Изабелла.

— Никогда не думала, что буду рада видеть эту женщину при каких бы то ни было обстоятельствах, — продолжала первая, — но теперь, если бы я увидела, как она идёт по улице под руку с Говардом, я бы, кажется, от счастья выбежала и… и…

— Обняла её, — закончила более порывистая Изабелла.

Кэролайн собиралась сказать не это, но поправку приняла, лишь чуть заметно поморщившись. Обе явно очень любили Говарда и в его беде готовы были всё забыть и простить. Они снова начали мне нравиться.

«Ты читал эти ужасные газеты?», «Как папа сегодня?», «Что нам делать, чтобы спасти Говарда?» — посыпались торопливые вопросы. Рассудив, что вполне естественно дать им выговориться, я села в самое неудобное своё кресло и стала ждать, пока эти первые излияния иссякнут.

Тотчас же мистер Ван Бёрнам взял их под руки и отвёл к дальнему дивану.

— Вам здесь хорошо? — спросил он тоном, который, по его мнению, был очень доверительным. Но всё, что говорится не для моих ушей, я слышу не хуже иного глухого.

— О, она достаточно добра, — прошептала Кэролайн, — но такая скупая. Увези нас куда-нибудь, где можно поесть.

— Все деньги вкладывает в фарфор! Тарелки какие! — *а на них-то пусто!*

При этих словах, произнесённых со всей выразительностью, какую позволяет шёпот, я в своём тихом уголке прямо-таки потёрла руки от удовольствия. Милые легкомысленные создания! Но они увидят, они ещё увидят.

— Боюсь, — это заговорил мистер Ван Бёрнам, — мне придётся сегодня забрать сестёр из-под вашей любезной опеки. Они нужны отцу, и он, кажется, уже снял для них комнаты в «Плазе».

— Очень жаль, — ответила я, — но, конечно же, они не уйдут, не позавтракав со мной ещё раз. Отложите отъезд до второго завтрака, барышни, и вы меня очень обяжете. Может быть, нам уже никогда не доведётся встретиться столь приятно.

Они заёрзали (чего я и ожидала) и украдкой бросили на брата почти комически умоляющие взгляды. Но он сделал вид, что не замечает, — почему-то он был склонен исполнить мою просьбу. Воспользовавшись минутным замешательством, я отвесила всем троим свой самый примирительный поклон и сказала, удаляясь за портьеру:

— Пойду распоряжусь насчёт завтрака. А тем временем надеюсь, что барышни будут чувствовать себя в моём доме совершенно свободно. Всё, что у меня есть, — к их услугам.

И исчезла, прежде чем они успели возразить.

Когда я их снова увидела, они сидели наверху, в моей передней комнате, вдвоём у окна, и вид у них был такой несчастный, что им явно не помешало бы небольшое развлечение. Подойдя к шкафу, я достала картонку. В ней лежал мой лучший капор.

— Барышни, что вы скажете об этом? — спросила я, вынимая капор и бережно водружая его на голову.

Сама я нахожу этот головной убор очень мне к лицу, но брови их поползли вверх отнюдь не одобрительно.

— Вам не нравится? — заметила я. — Что ж, я очень ценю вкус молодых девушек. Завтра же отошлю его обратно к мадам Мор.

— Я невысокого мнения о мадам Мор, — заметила Изабелла, — а после Парижа…

— А Ла Моль вам больше нравится? — осведомилась я, покачивая головой перед зеркалом, чтобы лучше скрыть свой интерес к предпринятой вылазке.

— Мне никто из них не нравится, кроме Д'Обиньи, — ответила Изабелла. — Она берёт вдвое больше, чем Ла Моль…

Вдвое! Из чего сделаны кошельки этих девиц — или, вернее, их отца!

— …но у неё тот *шик*, к какому мы привыкли во французских шляпках. Я *никогда* больше ни к кому не пойду.

— Нам её рекомендовали в Париже, — вставила Кэролайн, более вяло. Этот легкомысленный предмет занимал её лишь наполовину.

— Но неужели у вас никогда не было шляпки от Ла Моль? — не отставала я, взяв ручное зеркальце, якобы чтобы посмотреть, как капор сидит сзади, а на самом деле чтобы скрыть свой интерес к их простодушным лицам.

— Никогда! — отрезала Изабелла. — Я её не удостою.

— И у вас? — небрежно настаивала я, поворачиваясь к Кэролайн.

— Нет, я ни разу не была у неё в магазине.

— Тогда чья же… — начала я и осеклась. Сыщик, занятый тем же делом, что и я, не стал бы так безрассудно выдавать цель своих вопросов.

— Тогда кто же, — поправилась я, — лучшая после Д'Обиньи? *Её* цены мне не по карману. Я считаю их греховными.

— Ах, не спрашивайте нас, — запротестовала Изабелла. — Мы никогда не изучали, кто лучше делает капоры. Мы пока носим шляпки.

И, бросив мне таким образом в лицо свою молодость, они снова отвернулись к окну, не подозревая, что дама средних лет, на которую они смотрят с таким пренебрежением, только что с величайшим успехом заставила их плясать под свою дудку.

Намёк на то, что капоры носят старухи, я пропустила мимо ушей. Хорошо воспитанные уши это умеют — когда им выгодно.

Второй завтрак я заказала изысканный: я твёрдо решила показать барышням Ван Бёрнам, что умею подать прекрасную трапезу и что тарелки у меня не всегда лучше угощения. Кухарка, узнав, что на сей раз антре не только не упраздняется, но требуется в двух видах, простила мне антре.

Я пригласила ещё двух гостей, чтобы не казалось, будто я из-за двух молоденьких девушек лезу вон из кожи. Люди они были тихие, вроде меня, и трапеза прошла весьма благопристойно. Когда она кончилась, барышни Кэролайн и Изабелла заметно поубавили важности. И я, право, думаю, что почтением, которое они с тех пор мне оказывают, я обязана скорее их удивлению перед совершенством этого изысканного завтрака, чем сколько-нибудь вдумчивой оценке моего характера и способностей.

Они уехали в три часа, по-прежнему без вестей о миссис Ван Бёрнам. К этому времени я уже не сомневалась, что тучи над этой семьёй сгущаются, и проводила их с некоторым сожалением и искренним сочувствием. Воспитай их в должном почтении к старшим — насколько легче было бы разглядеть серьёзность в Кэролайн и сердечные порывы в Изабелле.

Вечерние газеты немногое прибавили к моим сведениям. Обещали великие разоблачения, но не намекали, в чём они состоят. Тело в морге не опознал никто из сотен людей, приходивших на него смотреть, а Говард по-прежнему отказывался признать в нём свою жену. Завтрашнего дня ждали с тревогой.

Вот вам и газеты!

В двенадцать часов ночи я снова сидела у окна. Соседний дом был освещён с десяти, и я с минуты на минуту ждала ночного посетителя. Он явился точно в назначенный час: легко спрыгнул с подножки, хлопнул дверцей и бодро пересёк тротуар. Фигура его не была ни столь определённо похожа, ни столь определённо непохожа на фигуру предполагаемого убийцы, чтобы я могла с уверенностью сказать: «Это он» или «Это не он». Я легла спать в недоумении и немало тяготясь сознанием возложенной на меня ответственности.

Так прошёл день между убийством и дознанием.

Глава IX. Развитие событий

На дознании говори правду, только правду — и ничего сверх того, о чём спросили.
— Из правил мисс Баттерворт

Мистер Грайс зашёл около девяти утра.

— Ну, — сказал он, — что скажете о посетителе, который приходил ко мне вчера ночью?

— И похож, и не похож, — ответила я. — Ничто не заставит меня сказать, что это тот, кто нам нужен, но и поклясться, что это не он, я бы не посмела.

— Значит, насчёт него вы сомневаетесь?

— Сомневаюсь.

Мистер Грайс поклонился, напомнил мне о дознании и ушёл. О шляпке не было сказано ни слова.

После его ухода я стала собираться в назначенное им место. Мне ни разу в жизни не доводилось бывать на дознании, и я немного волновалась. Но к тому времени, как я завязала ленты капора (того самого презренного капора, который я, к слову, так и не отослала к мадам Мор), я одолела эту слабость и обрела манеру, более подобающую моему весьма важному положению главной свидетельницы в серьёзном полицейском расследовании. Мнение барышень Ван Бёрнам о капорах меня нисколько не интересовало. Меня интересовали их шляпки.

Я послала за каретой и отъезжала от дома под крики полудюжины мальчишек, собравшихся у тротуара. Но я не позволила этой огласке меня смутить. Напротив, я держала голову так прямо, как задумала природа, а спина моя сохраняла ту линию, какую позволяет моё доброе здоровье. У стези долга есть свои колючки, но умам столь крепким, как мой, не пристало их замечать.

Ровно в десять я вошла в зал, отведённый для дознания, и меня проводили на назначенное место. Хоть я никогда не была женщиной застенчивой, я не могла не чувствовать множества следивших за мной глаз и старалась держаться так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в моём почтенном положении в обществе. Этим я считала себя обязанной памяти отца, о котором в тот день много думала.

Коронер уже сидел на своём месте. Доброго лица мистера Грайса я поблизости не заметила, но не сомневалась, что он где-то рядом и всё слышит. На остальных я почти не обращала внимания, кроме честной поломойки: её красное лицо и тревожные глаза под нелепым капором (который *не был* от Ла Моль — это я могу засвидетельствовать под присягой) мелькали передо мной, когда толпа между нами колыхалась взад и вперёд.

Никого из Ван Бёрнамов не было видно, но это вовсе не значило, что они отсутствуют. По некоторым признакам я была совершенно уверена, что кое-кто из семьи сидит в маленькой комнате, смежной с большим залом, где сидели мы, свидетели, вместе с присяжными.

Первым давал показания полицейский Кэрролл. Он рассказал, как я остановила его во время обхода и как он вошёл с поломойкой в дом мистера Ван Бёрнама. Он подробно описал, как обнаружил тело мёртвой женщины на полу гостиной, и настаивал, что никому — тут он очень пристально на меня посмотрел — не позволили прикоснуться к телу, пока не прибыла подмога из управления.

За ним последовала миссис Бопперт, поломойка. И если никто больше в зале за ней не наблюдал, то я наблюдала. Её поведение перед коронером было, на мой взгляд, ничуть не более удовлетворительным, чем в гостиной мистера Ван Бёрнама. Она заметно вздрогнула, когда назвали её имя, и совсем перепугалась, когда ей протянули Библию. Но присягу всё же принесла, и с её показаний дознание началось всерьёз.

— Как вас зовут? — спросил коронер.

Этого она не знать не могла и потому бойко произнесла нужные слова, хотя и таким тоном, что было ясно: её возмущает дерзость человека, который спрашивает то, что и так знает. В этом одном мы с ней были единодушны.

— Где вы живёте? И чем зарабатываете на жизнь? — быстро последовало дальше.

Она ответила, что она поломойка и убирает людям дома, и, сказав это, приняла весьма упрямый вид. Мне он показался достаточно странным, чтобы у наблюдавших за ней возник вопрос. Но никто, кроме меня, похоже, не видел в нём ничего, кроме смущения невежественной женщины.

— Давно вы знаете семью Ван Бёрнам? — продолжал коронер.

— Два года, сэр, на Рождество будет.

— Часто вы у них работали?

— Убираю дом два раза в год, осенью и весной.

— Зачем вы были в этом доме два дня назад?

— Мыть полы на кухне, сэр, и прибрать кладовые.

— Вас об этом известили?

— Да, сэр, через мистера Франклина Ван Бёрнама.

— И это был первый день вашей работы там?

— Нет, сэр, я там была весь день накануне.

— Вы говорите недостаточно громко, — заметил коронер. — Помните, что вас хотят слышать все в этом зале.

Она подняла глаза и испуганно оглядела толпу вокруг. Огласка явно была ей крайне неприятна, и голос её скорее упал, чем окреп.

— Где вы взяли ключ от дома и через какую дверь вошли?

— Вошла через полуподвал, сэр, а ключ взяла у агента мистера Ван Бёрнама на Дейстрит. Пришлось за ним сходить; иногда мне его присылают, да не в этот раз.

— А теперь расскажите о встрече с полицейским в среду утром перед домом мистера Ван Бёрнама.

Она попыталась рассказать, но получилось у неё неуклюже, и пришлось засыпать её вопросами, чтобы добраться до малейшего факта. Наконец она всё же сумела повторить то, что мы уже знали: как вошла с полицейским в дом и как они наткнулись на мёртвую женщину в гостиной.

Дальше её не расспрашивали, и мне, Амелии Баттерворт, пришлось молча смотреть, как она возвращается на место, ещё краснее прежнего, но со странно довольным видом: отделалась, мол, легче, чем ожидала. А ведь мистера Грайса предупредили, что она знает больше, чем кажется, — и предупредил человек, которому он, по-видимому, доверял! Предупреждать мужчин — занятие неблагодарное. Я продолжаю им заниматься из чистого упрямства.

Следующим вызвали доктора. Его показания оказались чрезвычайно важны и принесли одну неожиданность мне и не одну — остальным. После краткого предварительного допроса его попросили сказать, сколько времени женщина была мертва, когда его позвали её осмотреть.

— Больше двенадцати и меньше восемнадцати часов, — спокойно ответил он.

— Окоченение уже наступило?

— Нет, но началось очень скоро после этого.

— Вы осмотрели раны, нанесённые упавшими полками и свалившимися вместе с ними вазами?

— Осмотрел.

— Опишите их.

Он описал.

— А теперь… — в вопросе коронера возникла пауза, заставившая всех нас насторожиться, — какая из этих многочисленных тяжёлых ран, по вашему мнению, стала причиной смерти?

Свидетель привык к подобным сценам и чувствовал себя в них совершенно как дома. Почтительно взглянув на коронера, он медленно повернулся к присяжным и ответил неторопливо и внушительно:

— Я готов заявить, господа, что ни одна. Её убила не упавшая горка.

— Не упавшие полки? Почему же? Разве они были недостаточно тяжелы или не ударили её в жизненно важное место?

— Они были достаточно тяжелы и ударили её так, что убили бы, не будь она уже мертва, когда они на неё упали. А так они лишь изувечили тело, из которого жизнь уже ушла.

Сказано это было весьма недвусмысленно, и многие в толпе, кто прежде не знал этих фактов, столь же недвусмысленно выказали свой интерес. Но коронер, не обращая внимания на признаки растущего волнения, поспешил сказать:

— Вы делаете весьма серьёзное заявление, доктор. Если она умерла не от ран, нанесённых упавшими на неё предметами, то от чего? Можете ли вы сказать, что смерть её была естественной, а падение полок — лишь несчастная случайность, последовавшая за ней?

— Нет, сэр, смерть её не была естественной. Её убили, но не упавшей горкой.

— Убили, и не горкой? Как же тогда? Была ли на ней другая рана, которую вы считаете смертельной?

— Да, сэр. Подозревая, что она погибла иным путём, чем казалось, я самым тщательным образом осмотрел тело и обнаружил под волосами на затылке крошечное пятнышко. Прощупав его, я нашёл там кончик маленького тонкого стального острия. Его вонзили осторожной рукой в самое уязвимое место тела, и смерть, должно быть, наступила мгновенно.

Для некоторых впечатлительных особ это оказалось чересчур, и поднялось минутное волнение. Однако оно было ничто по сравнению с тем, что творилось у меня в груди. Так-так! Значит, пронзили ей затылок, а не сердце. Мистер Грайс позволил нам думать, что сердце. Но поразило меня не это, а ловкость и дьявольское хладнокровие человека, нанёсшего этот смертельный удар.

Когда порядок восстановили — а восстановили его, скажу прямо, очень скоро, — коронер ещё более серьёзным тоном продолжал расспросы:

— Узнали ли вы в этом кусочке стали часть какого-либо медицинского инструмента?

— Нет. Сталь слишком плохо закалена, чтобы из неё делали что-нибудь колющее или режущее. Она самая обыкновенная и обломилась прямо в ране. Я нашёл только кончик.

— Этот кончик при вас — я имею в виду остриё, которое вы нашли у основания черепа убитой?

— При мне, сэр.

И он передал его присяжным. Пока они передавали его друг другу, коронер заметил:

— Позднее мы покажем вам остальную часть этого орудия смерти.

Всеобщего волнения это не уменьшило. Видя это, коронер уступил растущему интересу и продолжил расспросы.

— Доктор, — спросил он, — готовы ли вы сказать, сколько времени прошло между этой смертельной раной и теми, что обезобразили тело?

— Точно не могу, сэр, но какое-то время прошло.

Какое-то время — когда убийца пробыл в доме всего десять минут! Все переглянулись в изумлении, и коронер, словно угадав всеобщее любопытство, подался вперёд и выразительно повторил:

— Больше десяти минут?

Доктор, всем видом показывая, что понимает важность своего ответа, не колебался. Очевидно, мнение его было твёрдым.

— *Да, больше десяти минут.*

Вот какое потрясение принесли *мне* его показания. Я вспомнила, что открыли мне часы, но ни один мускул на моём лице не дрогнул. После стольких неожиданностей я училась владеть собой.

— Это неожиданное заявление, — заметил коронер. — Чем вы можете его объяснить?

— Причинами очень простыми и хорошо известными — по крайней мере, среди врачей. Крови было слишком мало, чтобы раны были нанесены до смерти или в первые минуты после неё. Будь женщина жива, когда их наносили, или даже умри она совсем незадолго до того, пол был бы залит кровью из стольких тяжёлых ран. Но кровотечение было незначительным, настолько незначительным, что я сразу это заметил и пришёл к своим выводам ещё до того, как нашёл след удара, вызвавшего смерть.

— Понимаю, понимаю! И поэтому вы пригласили двух врачей по соседству осмотреть тело, прежде чем его увезли из дома?

— Да, сэр. В столь важном деле я хотел, чтобы моё суждение подтвердили.

— И эти врачи…

— Доктор Кэмпбелл, Восточная… улица, дом сто десять, и доктор Джейкобс, Лексингтон-авеню, дом…

— Эти джентльмены здесь? — осведомился коронер у стоявшего рядом служащего.

— Здесь, сэр.

— Очень хорошо. Зададим этому свидетелю ещё один-два вопроса. Вы сказали, что, даже если бы женщина была мертва лишь несколько минут, когда получила эти ушибы, пол был бы так или иначе залит кровью. Почему вы так утверждаете?

— Потому что за несколько минут — скажем, за десять, раз уж названо это число, — тело не успевает остыть, а сосуды — затвердеть настолько, чтобы кровь не вытекала свободно.

— Через десять минут после смерти тело ещё тёплое?

— Да.

— Так что ваши заключения — логические выводы из хорошо известных фактов?

— Разумеется, сэр.

Последовала довольно долгая пауза. Когда коронер заговорил снова, то сказал:

— Эти открытия осложняют дело, но мы не должны позволить им нас обескуражить. Позвольте спросить, не нашли ли вы на теле каких-либо примет, которые помогли бы его опознать?

— Одну: небольшой шрам на левой лодыжке.

— Что за шрам? Опишите.

— Такой, какой мог остаться от ожога. Длинный и узкий, идущий вверх по ноге от лодыжки.

— На правой ноге?

— Нет, на левой.

— Вы обратили чьё-нибудь внимание на эту отметину во время осмотра или после?

— Да. Я показал её мистеру Грайсу, сыщику, и двум своим коллегам и сказал о ней мистеру Говарду Ван Бёрнаму, сыну джентльмена, в чьём доме нашли тело.

Имя этого молодого джентльмена прозвучало впервые, и у меня кровь застыла в жилах, когда я увидела, сколько косых взглядов и выразительных пожатий плечами оно вызвало в разношёрстном собрании. Но предаваться чувствам мне было некогда: дознание становилось слишком интересным.

— А почему, — спросил коронер, — вы сказали об этом именно этому молодому человеку?

— Потому что меня попросил мистер Грайс. Семья, как и сам молодой человек, опасалась, не окажется ли покойная его пропавшей женой, и это казалось верным способом решить вопрос.

— И решило? Признал ли он, что помнит такую отметину у своей жены?

— Он сказал, что у неё был такой шрам, но признать в покойной свою жену отказался.

— Он видел шрам?

— Нет, он не пожелал на него взглянуть.

— Вы ему предлагали?

— Предлагал, но он не проявил любопытства.

Коронер выждал минуту, несомненно полагая, что молчание лучше всего подчеркнёт этот поистине поразительный факт. Но молчания не получилось: паузу заполнил неописуемый ропот множества голосов. Я почувствовала жалость к гордой семье, чьё доброе имя оказалось под угрозой из-за этого молодого джентльмена.

— Доктор, — продолжал коронер, как только ропот утих, — вы заметили, какого цвета были волосы у женщины?

— Светло-каштановые.

— Вы срезали прядь? Есть ли у вас образец, чтобы показать нам?

— Есть, сэр. По предложению мистера Грайса я срезал две небольшие пряди. Одну отдал ему, другую принёс сюда.

— Покажите.

Доктор передал прядь, и на глазах у всех присутствующих коронер перевязал её бечёвкой и прикрепил ярлычок.

— Это чтобы избежать всякой путаницы, — пояснил этот весьма методичный чиновник, откладывая прядь на стол перед собой. Впервые за всё утро я почувствовала к коронеру нечто вроде родственной симпатии.

Потом он снова повернулся к свидетелю.

— Доктор, мы признательны вам за ценные показания и, поскольку вы человек занятой, больше вас не задерживаем. Пригласите доктора Джейкобса.

Этот джентльмен, как и следующий свидетель, лишь подтвердил слова первого, и то, что полки упали на тело девушки через некоторое время после первого удара, стало признанным фактом. Поэтому я не стану пересказывать их показания. Меня теперь волновало другое: попытаются ли они установить, когда упали полки, по свидетельству часов.

Глава X. Важные показания

Мужчина охотно примет от тебя подсказку. Упомянуть об этом при всех — выше его сил.
— Из правил мисс Баттерворт

Очевидно, нет, потому что следующее, что я услышала, было:

— Мисс Амелия Баттерворт!

Я не ожидала, что меня вызовут так скоро, и внезапность вызова меня несколько смутила: я ведь всего лишь человек. Но я поднялась с подобающим самообладанием и прошла на указанное коронером место своей обычной прямой походкой, которую лишь подчёркивало сознание важности моего положения — и как свидетельницы, и как женщины, которую некогда знаменитый мистер Грайс в той или иной мере посвятил в свои дела.

Моё появление, похоже, вызвало интерес, к которому я не была готова. Я как раз думала, как хорошо прозвучало моё имя в звучных устах коронера и как благодарна я должна быть собственной храбрости, заменившей слабое, сентиментальное имя Араминта благородным именем Амелия, — как вдруг заметила, что в устремлённых на меня глазах есть выражение, которое нелегко понять. Мне не хотелось бы называть его восхищением, и я не стану называть его насмешкой, и всё же в нём, казалось, было и то и другое. Я предпочла считать это восхищением. Так спокойнее для всех. Пока я ломала над этим голову, прозвучал первый вопрос.

Поскольку мой допрос у коронера выявил лишь уже изложенные факты, я не стану утомлять вас его подробным пересказом. Любопытна, пожалуй, одна часть. Меня расспрашивали о наружности пары, которую я видела входящей в особняк Ван Бёрнамов, и коронер спросил, была ли походка молодой женщины лёгкой или в ней чувствовалась нерешительность.

Я ответила:

— Никакой нерешительности. Она шла быстро, почти весело.

— А он?

— Шёл сдержаннее. Но это ничего не значит: он мог быть старше.

— Никаких версий, мисс Баттерворт, нам нужны факты. Вы знаете, что он был старше?

— Нет, сэр.

— У вас сложилось какое-нибудь представление о его возрасте?

— Впечатление было такое, что это молодой человек.

— А рост?

— Средний, фигура стройная и изящная. Двигался он как джентльмен — об этом я могу сказать с полной уверенностью.

— Как вы думаете, мисс Баттерворт, вы смогли бы его опознать, если бы увидели?

Я помедлила, заметив, что вся колыхавшаяся толпа с жадностью ждёт моего ответа. Я даже повернула голову, потому что видела, как это делают другие, но тут же об этом пожалела: я обнаружила, что вместе со всеми смотрю на дверь, за которой, как полагали, сидели Ван Бёрнамы. Чтобы скрыть этот промах — ведь я вовсе не желала пока ни на кого навлекать подозрения, — я быстро повернулась лицом к толпе и как можно твёрже заявила:

— Мне казалось, что смогу, если увижу его при тех же обстоятельствах, при каких сложилось первое впечатление. Но в последнее время я стала сомневаться даже в этом. Я никогда не посмела бы положиться здесь на свою память.

Коронер выглядел разочарованным, как и люди вокруг меня.

— Жаль, — заметил коронер, — что вы не разглядели получше. А теперь скажите, как эти люди проникли в дом?

Я ответила как можно короче.

Я рассказала, как он отпер дверь ключом, сколько времени мужчина пробыл внутри и каким он выглядел, уходя. Рассказала я и о том, как на следующий день позвала полицейского осмотреть дом, и подтвердила слова этого служащего о том, как выглядела покойная, когда её нашли.

На этом мой допрос кончился. Меня не спросили ни о том, почему я подозреваю поломойку, ни об открытиях, которые я сделала вместе с мистером Грайсом. Быть может, так было и лучше, но сама я никогда не стала бы работать столь небрежно.

Затем объявили перерыв. Зачем он понадобился, ума не приложу — разве что джентльменам захотелось покурить. Будь это убийство им так же интересно, как мне, они не пожелали бы ни крошки, ни глотка, пока страшный вопрос не решён. Раз уж перерыв был, я воспользовалась им и зашла в ресторанчик неподалёку, где за умеренную цену подают очень хорошие булочки и кофе. Но я могла бы обойтись и без них. Вторую булочку я, впрочем, тоже съела — исключительно чтобы не обидеть буфетчика.

Следующим свидетелем, к моему удивлению, оказался мистер Грайс. Когда он вышел вперёд, все вытянули шеи, а многие женщины даже привстали, чтобы взглянуть на знаменитого сыщика. Сама я никакого любопытства не выказала: к этому времени я хорошо знала его черты. Но я испытала большое удовлетворение, увидев его перед коронером. Теперь, подумала я, мы услышим что-нибудь стоящее.

Однако его допрос, хоть и интересный, не был полным. Коронер, помня своё обещание показать нам другой конец стального острия, обломившегося в голове убитой, ограничился вопросами о том, как в отдушине гостиной мистера Ван Бёрнама нашли сломанную шляпную булавку. Свидетель ни словом не обмолвился о какой бы то ни было помощи, которую он мог получить при этой находке. Это вызвало у меня улыбку: мужчины так ревнивы ко всякому вмешательству в свои дела. Будь находка его собственной, он рассказал бы о ней трижды и с подробностями.

Конец, найденный в отдушине, и конец, который врач коронера извлёк из головы бедной женщины, передали присяжным. Любопытно было смотреть, как каждый из них по-своему пытался приложить один обломок к другому и какими взглядами они обменивались, убедившись, что обломки сходятся. Без сомнения, в глазах всех орудие убийства было найдено. Но что за орудие!

Затем предъявили фетровую шляпку, найденную под телом, и осмотрели единственное отверстие, проделанное такой же булавкой. Мистера Грайса спросили, не подобрали ли на полу комнаты ещё какую-нибудь булавку. Он ответил, что нет, и все присутствующие уверились, что молодую женщину убили булавкой из её собственной шляпки.

— Хитрое и жестокое преступление; дело расчётливого ума, — заметил коронер, отпуская сыщика на место. Такое высказывание я сочла предосудительным: оно могло настроить присяжных против единственного пока подозреваемого.

Теперь дознание приняло новый оборот. Вызвали мисс Фергюсон. Кто такая мисс Фергюсон? Для большинства из нас это имя было новым, а её лицо, когда она поднялась, лишь подстегнуло всеобщее любопытство. Лица некрасивее трудно было вообразить, и всё же оно не было ни злым, ни глупым. Разглядывая его и замечая нервное подёргивание, искажавшее её губу, я не могла не ощутить, как щедро одарена сама. Я не красавица, хотя находились люди, называвшие меня так, но и не дурнушка, а по сравнению с этой женщиной… что ж, промолчу. Знаю только, что, увидев её, я почувствовала глубокую благодарность доброму Провидению.

Что до самой бедняжки, она знала, что не красавица, но так привыкла, что люди отводят глаза от её лица, что, кроме упомянутого нервного подёргивания, не выказывала никаких чувств.

— Ваше полное имя и где вы живёте? — спросил коронер.

— Меня зовут Сьюзан Фергюсон, я живу в Хаддаме, штат Коннектикут, — ответила она голосом таким мягким и прекрасным, что все изумились. Словно прозрачный ручей забил из самой невзрачной скалы. Простите метафору: я нечасто себе такое позволяю.

— Вы держите постояльцев?

— Держу, сэр. Немного — столько, сколько вмещает мой дом.

— Кто жил у вас этим летом?

Я знала её ответ прежде, чем она его произнесла; знали и сотни других, но каждый высказал своё знание по-своему. Я не выказала вовсе.

— У меня жили, — сказала она, — мистер и миссис Ван Бёрнам из Нью-Йорка. Полностью — мистер Говард Ван Бёрнам, если вам угодно точнее.

— Кто-нибудь ещё?

— Мистер Халл, тоже из Нью-Йорка, и молодая пара из Хартфорда. Больше мой дом не вмещает.

— Сколько времени прожила у вас первая пара?

— Три месяца. Они приехали в июне.

— Они всё ещё у вас?

— Можно сказать, да, сэр. Сундуков они не увезли, но ни того, ни другого сейчас в Хаддаме нет. Миссис Ван Бёрнам уехала в Нью-Йорк в прошлый понедельник утром, а днём уехал и её муж — надо думать, тоже в Нью-Йорк. С тех пор я их не видела.

(Убийство произошло во вторник ночью.)

— Кто-нибудь из них взял с собой сундук?

— Нет, сэр.

— Саквояж?

— Да. Миссис Ван Бёрнам взяла саквояж, но совсем маленький.

— Достаточно большой, чтобы вместить платье?

— О нет, сэр.

— А мистер Ван Бёрнам?

— У него был зонтик. Больше я ничего не видела.

— Почему они не уехали вместе? Вы не слышали, чтобы кто-нибудь об этом говорил?

— Слышала. Они говорили, что миссис Ван Бёрнам едет против воли мужа. Он не хотел, чтобы она уезжала из Хаддама, а она настояла, и он был этим очень недоволен. Они даже повздорили, а поскольку наши комнаты выходят на одну веранду, я поневоле слышала часть разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.